1968
1918
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 8 (2121)

Основан 1 апреля 1923 года

17 ФЕВРАЛЯ 1968

В. И. ЛЕНИН:

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

В. И. Ленин выступает перед рабочими полками Всевобуча на Красной площади в Москве 25 мая 1919 года.

И. И. ЯКУБОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР

ПОЛВЕКА Б

23 февраля воины армии и флота вместе со всеми трудящимися нашей страны отмечают праздник 50-летия Вооруженных Сил СССР, которые на протяжении всей истории Советского государства с беспримерным мужеством и героизмом защищали завоевания Великого Октября.

Советские Вооруженные Силы родились в огне Великой Октябрьской социалистической революции, в обстановке развернувшейся иностранной военной интервенции и гражданской войны. 28(15) января 1918 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 11 февраля (29 января) был подписан Декрет об организации Красного Флота.

Работа по формированию первых советских регулярных воинских частей интенсивно развернулась в феврале 1918 года, когда кайзеровские войска начали вероломное наступление крупными силами по всему русско-германскому фронту. Советское правительство приняло экстренные и энергичные меры по организации решительного отпора германскому империализму. В ответ на ленинское воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!» рабочие и крестьяне революционной России ответили мобилизацией всех своих сил, массовым вступлением в ряды армии. Созданные воинские отряды и полки немедленно отправлялись на фронт, вступали в бой с немецкими захватчиками. Особенно упорные сражения развернулись на псковском, нарвском и ревельском направлениях, прикрывавших подступы к колыбели революции — Петрограду.

В память о героических свершениях этого времени, когда трудящиеся России поднялись на защиту социалистического Отечества и первые отряды Красной Армии вступили в сражение с регулярными германскими войсками, оказали им упорное сопротивление под Нарвой, Псковом и на других участках фронта, Советское правительство в 1919 году установило День Красной Армии, который стал ежегодно отмечаться 23 февраля как день рождения Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Принципы и методы создания наших Вооруженных Сил были разработаны В. И. Лениным, что явилось крупнейшим вкладом в марксистское учение о социалистической революции, войне и армии. В ленинских документах того времени четко сформулировано историческое назначение Советской Армии, провозглашен ее классовый характер и показано коренное отличие от армий империалистических государств.

Уже летом 1918 года по инициативе Владимира Ильича Советское государство перешло от добровольческих отрядов к созданию регулярных частей и соединений, которые к осени насчитывали свыше полумиллиона бойцов. В марте 1919 года на VIII съезде в докладах и выступлениях В. И. Ленина, в Программе партии, в Тезисах ЦК и в резолюции по военному вопросу были определены пути завершения создания кадровой армии, спаянной железной воинской дисциплиной, с единой системой комплектования, организации и управления, основанного на единоначалии.

В суровые годы гражданской войны и иностранной военной интервенции молодая Красная Армия выстояла в титанической борьбе против объединенных сил международного империализма и внутренней контрреволюции.

Рожденный Октябрем общественный и государственный строй показал свою силу и непобедимость. Голод, разруха, эпидемии, тяжелые жертвы — ничто не сломило мужества и упорства народа. Организатором и вдохновителем его побед была Коммунистическая партия во главе с великим Лениным. Владимир Ильич пользовался непререкаемым авторитетом, уважением, любовью среди красноармейцев. Многие части и соединения избрали его почетным красноармейцем.

Большевистская партия направляла в армию свои лучшие силы. В 1918 году в Красной Армии насчитывалось 35 тысяч коммунистов, в 1919 году — уже 120 тысяч, а в 1920 году — около 300 тысяч коммунистов, то есть половина всего состава партии.

В памятке мобилизованному на фронт большевику говорилось: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию».

На Тихом океане, разгромив последний очаг интервенции и белогвардейщины, в 1922 году закончила свои победоносные походы Красная Армия, героическая армия освобожденных рабочих и крестьян.

В боях с врагами Родины в Красной Армии выросли талантливые, выдающиеся военачальники нового типа: В. М. Азин, С. М. Буденный, В. К. Блюхер, И. И. Вацетис, С. С. Вострецов, К. Е. Ворошилов, О. И. Городовиков, П. Е. Дыбенко, А. И. Егоров, С. С. Каменев, В. И. Киквидзе, Г. И. Котовский, Н. В. Крыленко, А. Я. Пархоменко, Н. И. Подвойский, С. К. Тимошенко, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаев, Б. М. Шапошников, Н. А. Щорс, И. Э. Якир и другие.

За выдающиеся подвиги в гражданской войне 355 соединений, частей и учреждений награждены Почетным революционным Красным знаменем и орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Около 15 тысяч красноармейцев, командиров и комиссаров были удостоены ордена Красного Знамени.

Советский народ и воины Советских Вооруженных Сил всегда будут помнить, что революционные силы всех континентов восприняли борьбу рабочих и крестьян России как свое собственное дело. В рядах Красной Армии за власть Советов сражались тысячи бойцов-интернационалистов — венгров, поляков, сербов, болгар, чехов, словаков, немцев, финнов, китайцев, корейцев и представителей других народов. Боевая интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции. О больших заслугах бойцов-интернационалистов — активных участников Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны — свидетельствует награждение Президиумом Верховного Совета СССР Указами от 28 октября 1967 года орденами и медалями СССР 3 363 граждан социалистических стран и 46 граждан других государств.

Поражение сил мирового империализма и внутренней контрреволюции имело огромное значение не только для судеб нашей страны, но и для освободительной борьбы трудящихся других стран.

В наступивший после гражданской войны мирный период партия, выполняя заветы В. И. Ленина, продолжала неустанно укреплять оборону СССР. С 1924 по 1928 год в армии была проведена военная реформа. В результате осуществления ленинского плана социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства была создана мощная экономическая база — основа обороноспособности страны. К началу второй мировой войны в нашей стране были разработаны лучшие в мире танки, вполне современные по тому времени самолеты и другая боевая техника. Однако массовое их производство началось лишь перед самым нападением гитлеровской Германии, и новые образцы советского вооружения не смогли оказать решающего влияния на ход боевых операций в первые дни войны.

Коммунистическая партия проявляла неустанную заботу об укреплении морально-политического единства советского народа, воспитании его в духе идей марксизма-ленинизма, советского патриотизма, постоянной готовности к защите социалистического Отечества.

Успешно развивалась советская военная наука. Крупный вклад в ее разработку внесли М. В. Фрунзе, Б. М. Шапошников, М. Н. Тухачевский, В. К. Триандафиллов и другие. Передовой характер нашего общественного и государственного строя питал новыми, прогрессивными идеями советскую военно-теоретическую мысль, основой которой является марксизм-ленинизм.

В 1939 году был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Закон закрепил переход нашей армии от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому принципу строительства Вооруженных Сил. Были увеличены сроки службы. Быстрыми темпами шел процесс качественного и количественного роста командных кадров.

Советские Вооруженные Силы бдительно охраняли труд советского народа от агрессивных происков империализма, который неоднократно пытался прощупать мощь нашего государства.

ОРЬБЫ И ПОБЕД

А таких попыток между двумя войнами наши враги совершили немало. Еще в 1929 году, во время конфликта на КВЖД, Особая Дальневосточная армия разгромила китайских милитаристов. Советские войска разгромили войска японских империалистов, пытавшихся вторгнуться на советскую территорию в районе озера Хасан в июле 1938 года и на территорию братской Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол летом 1939 года.

Беспримерный героизм показали наши добровольцы — командиры и комиссары в интернациональных бригадах в период героической борьбы испанского народа с фашизмом (1936—1939 годы).

С началом второй мировой войны, когда в сентябре 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, а буржуазно-помещичье правительство бросило польский народ и бежало в Румынию, немецко-фашистские войска, встречая упорное сопротивление польских солдат лишь на отдельных направлениях, стремительно продвигались к восточным границам Польши. Угроза порабощения нависла над украинцами и белорусами, проживающими на польской территории. По решению Советского правительства части Красной Армии перешли советско-польскую границу и освободили западные области Белоруссии и Украины.

Осенью 1939 года угроза немецко-фашистской агрессии нависла и над Латвией, Литвой и Эстонией. Советский Союз не мог допустить превращения территории этих государств в плацдарм для нападения на нашу Родину и в соответствии с заключенными договорами о взаимопомощи взял под защиту прибалтийские государства. На их территориях были размещены части Красной Армии.

Спровоцированная международными империалистическими кругами советско-финская война закончилась подписанием в марте 1940 года мирного договора, по которому граница на Карельском перешейке была отодвинута от Ленинграда за линию Выборг — Кексгольм. Советскому Союзу передавалась часть полуостровов Рыбачьего и Среднего и в аренду на 30 лет полуостров Ханко.

Важное значение для укрепления безопасности границ СССР имело также возвращение летом 1940 года Бессарабии, незаконно захваченной королевской Румынией во время гражданской войны.

Все эти действия Советского государства имели важное оборонное значение. Они были направлены против распространения фашистской агрессии. Однако остановить ее, несмотря на все усилия Советского правительства, не удалось. Западные державы всеми способами и средствами стремились направить агрессию фашистской Германии против Советского Союза.

22 июня 1941 года на рассвете фашистская Германия и ее сателлиты вероломно напали на нашу страну. 190 дивизий, почти 5 тысяч самолетов, свыше 3 700 танков, более 47 тысяч орудий и минометов обрушили свой удар на Советской Союз. Над Родиной нависла смертельная опасность. По призыву Коммунистической партии и Советского правительства весь советский народ поднялся на священную Отечественную войну, которая стала самой жестокой из всех войн в истории человечества. Особенно суровые испытания выпали на нашу долю в начале войны. Значительное превосходство в силах и средствах со стороны фашистской армии, захват инициативы создали невероятно тяжелые условия для советских войск.

Осенью 1941 года гитлеровцам удалось блокировать Ленинград, захватить Киев и Харьков, выйти на подступы к Москве. В руках врага оказались районы, в которых проживало 40 процентов населения страны, добывалось 63,9 процента угля, 58 процентов чугуна и столько же стали, 38 процентов зерна.

Коммунистическая партия в тяжелый час испытаний полным голосом сказала народу всю правду об опасности, угрожавшей Родине. В невиданно короткие сроки страна превратилась в единый боевой лагерь. Весь народ поднялся на защиту Родины.

В этот период войны главная задача Советской Армии заключалась в том, чтобы остановить немецко-фашистские войска. Большую роль в решении этой задачи сыграли оборонительные сражения под Смоленском, Ленинградом, на Правобережной Украине, под Ростовом и Тихвином. В битве под Москвой была окончательно развеяна легенда о непобедимости немецко-фашистских полчищ. Наша армия измотала и обескровила фашистские войска, заставила перейти к обороне на всем фронте, а затем в решительном контрнаступлении под Москвой отбросила их далеко назад.

Преодолев громадные трудности первого периода военных действий, Советские Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, в 1943 году добились решительного перелома в ходе войны, затем, в 1944 году, полностью изгнали немецко-фашистских захватчиков с территории Советского Союза, а своими последующими наступательными операциями сыграли решающую роль в избавлении от гитлеровской тирании народов многих стран Европы, в окончательной победе над фашистской коалицией.

Победа над немецко-фашистскими захватчиками была нелегкой. Она ковалась в кровопролитных сражениях и напряженном труде всего советского народа. В памяти человечества навечно сохранятся великие победы советских воинов под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Киевом, Севастополем, Одессой, в боях на Курской дуге, в битве за Кавказ, на Днепре и Висле, при освобождении стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в заключительном сражении за Берлин и многих других сражениях, решивших судьбу второй мировой войны. А в тылу врага, ни на минуту не затихая, шла поднятая партией всенародная партизанская борьба. Славные советские партизаны и подпольщики громили вражеские гарнизоны, уничтожали боевую технику, разрушали коммуникации, добывали важнейшие сведения о замыслах и передвижениях врага. Словом, оказывали нашим войскам, сражающимся на фронте, неоценимую помощь.

Великая Отечественная война, которую почти четыре года вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, завершилась полной победой. Фашизм был повержен. Война закончилась там, откуда она пришла. Советский народ и его Вооруженные Силы отстояли социалистическую Родину, завоевания Великого Октября.

На протяжении всей Великой Отечественной войны советско-германский фронт был главным фронтом второй мировой войны. Именно здесь были разбиты основные силы фашистской коалиции — 507 гитлеровских дивизий и 100 дивизий сателлитов нацистской Германии.

Успехи Советской Армии и Военно-Морского Флота в этой войне не были ни чудом, ни случайностью. Разгром самых оголтелых сил империалистической реакции, злейшего врага прогресса и цивилизации — гитлеровского фашизма — показал крепость советского общественного и государственного строя, могущество Советских Вооруженных Сил.

Вдохновителем и организатором побед советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне была Коммунистическая партия Советского Союза.

Все прогрессивное человечество восхищается славными подвигами советского народа в Великой Отечественной войне. И это вполне понятно. Советский народ и его Вооруженные Силы вынесли на себе основную тяжесть борьбы с фашистской агрессией, ценой огромных жертв спасли человечество от гитлеровского рабства.

Неисчислимы подвиги советских людей в годы войны с гитлеровской Германией и империалистической Японией. По почетным наименованиям частей — Кантемировских, Таманских, Харьковских, Одесских, Варшавских, Бухарестских, Белградских, Будапештских, Пражских, Берлинских и других — и по сей день можно определить, каков их славный боевой путь.

Лучшие, самые закаленные и стойкие соединения и части нашей армии были удостоены звания гвардейских.

Подвиги гвардейцев генерала Панфилова под Москвой или гвардейцев генерала Родимцева под Сталинградом известны каждому советскому человеку. Одиннадцать тысяч орденов прикрепила Родина к знаменам частей и соединений, покрывших себя неувядаемой славой в боях с гитлеровскими захватчиками. Более 7 миллионов участников Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями. А свыше одиннадцати с половиной тысяч воинов удостоены высшей награды — звания Героя Советского Союза.

Сегодня мы с признательностью вспоминаем и воздаем должное

народам и армиям других стран, внесших свой вклад в дело победы над фашизмом.

Плечом к плечу с воинами Советских Вооруженных Сил прошли славный боевой путь польские, чехословацкие и югославские воины. На заключительном этапе войны против гитлеровских полчищ выступили румынские и болгарские соединения. В боях за Будапешт вместе с советскими частями сражались венгерские солдаты и офицеры. Значительный вклад в дело борьбы с фашизмом внесли отряды движения Сопротивления многих стран и немецкие борцы-антифашисты. Под постоянной угрозой мучительной смерти они мужественно боролись с гитлеровской тиранией.

После капитуляции гитлеровской Германии Советское государство, верное своим союзническим обязательствам, выступило против милитаристской Японии. Мощные и стремительные удары Советских Вооруженных Сил, осуществленные на огромном пространстве, в труднейших географических условиях Дальневосточного театра военных действий, в кратчайший срок нанесли сокрушительное поражение миллионной Квантунской армии, оказали военно-политическую помощь революционным силам Китая и Кореи. Именно в результате этих ударов империалистическая Япония была вынуждена капитулировать, а отнюдь не от атомных ударов США, нанесенных по Хиросиме и Нагасаки и вызвавших бессмысленную гибель сотен тысяч мирных жителей.

Победа свободолюбивых народов над фашистской Германией и империалистической Японией имела всемирно-историческое значение. В результате ее были упрочены завоевания социализма, укрепилась мощь и авторитет Советского Союза. Наша страна одержала не только военную и экономическую, но и морально-политическую победу. Это была победа социалистической идеологии над человеконенавистнической идеологией империализма, победа пролетарского интернационализма над оголтелым расизмом и шовинизмом. Разгром фашизма создал благоприятные условия для развития и победы социалистических революций в странах Европы и Азии, образования мировой системы социализма. Широко развернулась национально-освободительная борьба народов. Окрепли международные силы социализма и демократии, ослабли позиции империализма и реакции.

Вторая мировая война оставила неизгладимый след в жизни и сознании свободолюбивых народов. Она требует от них постоянной бдительности. И прежде всего опыт минувшей войны требует внимательно следить за происками империалистов.

В послевоенные годы советский народ под руководством Коммунистической партии вновь добился поистине всемирно-исторических побед на фронте мирного труда. При этом крупное развитие получили те отрасли современной индустрии, науки и техники, которые имеют первостепенное значение для укрепления обороны страны: энергетика, металлургия, электроника, машиностроение, приборостроение, химическая промышленность и другие.

Эти достижения позволили, как подчеркнул XXIII съезд КПСС, оснастить нашу армию и флот самым совершенным ракетно-ядерным оружием и другими новейшими образцами боевой техники в необходимом количестве. В последние годы благодаря постоянным заботам Коммунистической партии и Советского правительства Советская Армия и Флот добились новых высот в своем развитии. Ныне Советская Армия — это грозная и неодолимая сила. Наиболее характерная черта Вооруженных Сил СССР состоит в том, что в них сложился и окреп новый вид войск — ракетные войска стратегического назначения.

Значительно увеличилась и ударная сила сухопутных войск, располагающих самой различной современной боевой техникой, в том числе и ракетами с ядерными зарядами. Непрерывно совершенствуются Военно-Воздушные Силы. Авиация стала реактивной, сверхзвуковой, ракетоносной. А войска ПВО вооружены совершенными зенитно-ракетными системами и самолетами-перехватчиками. Крупные изменения претерпел и Военно-Морской Флот. В его состав вошли мощные надводные корабли и атомные подводные лодки, оснащенные баллистическими ракетами.

Сила Советской Армии и Военно-Морского Флота состоит в том, что грозная техника находится в руках людей, беспредельно преданных своему народу, делу коммунизма.

Поистине золотым фондом Советских Вооруженных Сил являются военные кадры. Ныне каждый четвертый офицер имеет высшее военное или специальное образование. Наши офицеры, генералы и адмиралы — это люди высокой культуры, имеющие разносторонние навыки и знания. Советские воины — подлинные мастера военного дела, отлично владеющие военной наукой и вверенной им превосходной боевой техникой. Это они особенно наглядно продемонстрировали на учении «Днепр», явившемся боевым отчетом Вооруженных Сил партии и правительству об их готовности к защите своей любимой Родины.

При определении задач по дальнейшему развитию наших Вооруженных Сил и повышению их боевой готовности ЦК КПСС и Советское правительство учитывают особенности нынешней международной обстановки, которая продолжает оставаться напряженной. Расширяется преступная война США во Вьетнаме, масштабы которой принимают все более угрожающий характер. Американские войска применяют самые варварские методы ведения войны, преднамеренно уничтожают мирное население. Ими убито свыше 650 тысяч мирных жителей Южного Вьетнама, в том числе 250 тысяч детей. За этими цифрами — бездна страданий, море крови и народного гнева.

Тревожит положение и в Европе. Страны НАТО продолжают увеличивать свои вооруженные силы, нагнетать международную напряженность. В центре континента поднимают голову западногерманские реваншисты и неонацисты. Они все более наглеют, стремятся пересмотреть итоги второй мировой войны, все настойчивее требуют доступа к ядерному оружию. Неонацистская НДП — прямая наследница гитлеровской партии — вышла на политическую и государственную арену Западной Германии.

Сохраняется опасный очаг напряженности на Ближнем Востоке, возникший в результате израильской агрессии против арабских стран. Неспокойно и в других районах мира. Происки империалистических кругов обязывают наши Вооруженные Силы постоянно повышать бдительность и боевую готовность, улучшать оснащение войск и совершенствовать их подготовку. В выступлении на встрече с выпускниками военных академий Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Советские Вооруженные Силы в целом, каждое соединение, каждая воинская часть должны постоянно находиться в состоянии такой готовности, которая исключала бы для агрессора малейшую возможность застать нас врасплох».

Постоянная высокая боевая готовность войск в современных условиях означает их способность немедленно начать решительные активные действия всеми силами и средствами для разгрома агрессора в короткий срок.

Сейчас в Вооруженных Силах идет упорная и напряженная боевая учеба, могучим родником бьет творческая инициатива. К славному 50-летию Вооруженных Сил ракетчики и мотострелки, десантники и танкисты, авиаторы и моряки пришли с новыми успехами в боевой и политической подготовке, в овладении современной техникой и оружием, в повышении боеготовности войск. В армии и на флоте значительно выросло число отличных подразделений, частей и кораблей, умножилось количество отличников и классных специалистов. С высокими показателями в боевой учебе полувековой юбилей Советских Вооруженных Сил встречают наши правофланговые части и соединения, награжденные в связи с 50-летием Великого Октября Памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Советские воины всегда жили и живут жизнью народа своей страны, с которым они неразрывно связаны. У нас народ и армия — единое целое, одна семья. Общие интересы коммунистического строительства тесно объединяют трудящихся и воинов. Советский народ беззаветно поддерживает своих защитников, вдохновляет их на доблестный ратный труд во славу Родины.

Испытанные в боях за свободу и независимость социалистической Родины, Советские Вооруженные Силы бдительно охраняют мирный труд своего народа и народов братских социалистических стран.

Плечом к плечу с Советской Армией на страже мира и безопасности стоят армии стран—участниц Варшавского Договора. Их боевое содружество скреплено кровью, пролитой в совместной борьбе против фашизма в годы минувшей войны.

Уделяя неослабное внимание обеспечению безопасности Родины, Коммунистическая партия учитывает и наши интернациональные обязанности по защите мировой социалистической системы. Важную роль в этом сыграло создание в 1955 году оборонительной организации Варшавского Договора, которая стала мощным заслоном на пути агрессивных устремлений империалистических государств. За истекшие 12 лет Объединенные Вооруженные Силы стран Варшавского Договора, используя взаимный опыт, опираясь на растущую экономическую и политическую мощь своих социалистических государств, стали в ряды самых передовых армий мира. Они оснащены самой современной техникой и вооружением, обладают большой ударной силой и огневой мощью.

В Объединенных Вооруженных Силах Варшавского Договора сложилась стройная система координированной подготовки войск. За последние годы на территории государств — участников Варшавского Договора проведено большое количество оперативных и войсковых учений, которые показали высокие морально-боевые качества личного состава, способствовали росту боевой мощи и укреплению боевого содружества братских армий. В союзных армиях проводится плодотворная работа по согласованию военно-теоретических взглядов и практической деятельности руководящих кадров по вопросам дальнейшего развития вооруженных сил и их применения в современной войне. Совместно решаются различные военно-технические проблемы. Широкое распространение получил обмен военно-технической информацией.

Путь, пройденный армиями социалистических стран, подтвердил действенность всей военной структуры Варшавского Договора, который является могучим фактором мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Советские Вооруженные Силы, созданные Коммунистической партией для защиты великих завоеваний Октябрьской революции, отмечают свое пятидесятилетие в зените несокрушимой мощи. В руководстве Коммунистической партии — залог непобедимости нашей армии.

Одним из ярких проявлений заботы партии и правительства о Советских Вооруженных Силах явился новый Закон СССР о всеобщей воинской обязанности, который целиком и полностью отвечает дальнейшему повышению боевой готовности армии, поднимает личную ответственность каждого гражданина за дело защиты своей социалистической Родины и укрепляет единство армии и народа.

Сегодня воины Советской Армии и Военно-Морского Флота своим напряженным ратным трудом укрепляют оборонную мощь нашей социалистической Родины, зорко следят за происками и посягательствами агрессоров, делают все, чтобы полностью исключить для агрессора всякую возможность застать нас врасплох. Как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию Октября: «Откуда бы ни исходило это посягательство — с севера или с юга, с запада или востока,— агрессора встретит всесокрушающая мощь наших славных Вооруженных Сил».

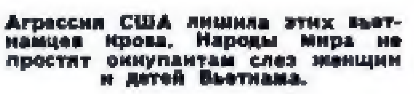
Советские люди вместе со всем вьетнамским народом. В связи с наступлением НФО по нашей стране прошла волна митингов солидарности и поддержки борющихся патриотов Вьетнама.

На снимке: во время митинга на Московском автомобильном заводе имени И. А. Лихачева.

Гуэ. Когда-то этот город был столицей страны, сейчас он стал столицей патриотов, захвативших его при активной помощи местного населения. Американские войска, штурмовавшие Гуэ, не смогли сорвать со старой городской крепости флаг Национального Фронта Освобождения.

На снимке: американцы, раненые в Гуэ.

Фото ТАСС и ЮПИ.

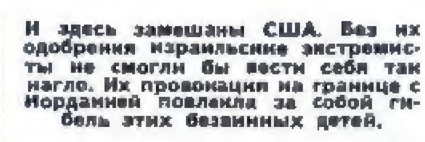


Агрессия США лишила этих вьетнамцев крова. Народы мира не простят оккупантам слез женщин и детей Вьетнама.

ГЕРОИЧЕСКИЕ НЕДЕЛИ ВЬЕТНАМА. * ПЕНТАГОН: КРОВЬ И ЛЖИВАЯ ПРОПАГАНДА. * ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕГОДУЕТ.

ПОЗОР!

Слово «бункер» и фамилия посла США в Сайгоне пишутся по-английски одинаково. «Битва за бункер Банкера» — так назвал американский журнал «Тайм» описание героического штурма партизанами здания посольства США в Сайгоне. А еще незадолго до того, как рухнула часть бетонной стены, ограждавшей посольство, до того, как 19 безымянных пока героев ворвались, стреляя из автоматов по растерянным «кэмпи» (американским военным полицейским), к его превосходительству Э. Банкеру, положение казалось ему «весьма удовлетворительным». Еще в сентябре 1967 года генерал Уэстморленд утверждал, что США сделали «гигантские шаги к военной победе». И вице-президент господин Хэмфри тоже сообщил, что американцы находятся «в стадии



И здесь замешаны США. Без их одобрения израильские экстремисты не смогли бы вести себя так нагло. Их провокации на границе с Иорданией повлекли за собой гибель этих безвинных детей.

Империализм Америки — это не только Вьетнам. История с захватом в территориальных водах КНДР шпионского корабля «Пуэбло» — новое свидетельство агрессивности правящих кругов США. В ответ на арест шпионского судна Вашингтон пытался шантажировать Корейскую Народно-Демократическую Республику. К ее берегам был послан авианосец «Энтерпрайз». Но шантаж не прошел. Авианосец вынужден был уйти от берегов социалистической Кореи.

выигрывания». Это мнение вполне разделял и государственный секретарь Дин Раск, заявив в декабре, что США добились «замечательных успехов в военной и политической областях». Несколько более скупой на пророчества президент Джонсон - и тот всего несколько недель тому назад увидел «признаки прогресса» во Вьетнаме.

И пришла ночь на 30 января, ночь геройства, ночь возмездия. Сегодня не только всему миру, но и значительной части американского общества, обманутого пропагандистской машиной, становится ясно: все, что писали и говорили боссы о победе,— ложь. Сегодня самый пропентагоновский из американских журналов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Мы ведем такую войну, которую нам диктует противник. Именно он выбирает место и время сражений».

Изуверство солдатни, уничтожение городов и сел, варварские бомбардировки мирного населения — вот то единственное, чем могут ответить агрессоры восставшему народу.

В стане агрессоров объявился новый Герострат — американский майор, слова которого обошли мировую печать. «Надо было разрушить город,— сказал он,— чтобы освободить его».

Эти строки пишутся в то время, когда продолжаются бои в Сайгоне, когда развевается флаг свободного Вьетнама над Гуэ, когда окопавшиеся американцы вымещают злобу на мирных жителях... А в Вашингтоне уже произнесено вслух страшное для оккупантов слово «Дьенбьенфу»...

А. ИГНАТОВ

Последние события во Вьетнаме дали американскому общественному мнению новые доказательства провала агрессии. Американские священники собрались у Могилы Неизвестного Солдата на Арлингтонском кладбище в знак протеста против агрессии Вашингтона. Среди них Мартин Лютер Кинг.

Будапешт. Венгерская киностудия «Мафильм» создала документальный фильм, посвященный 50-летию Советской Армии. Режиссер Ласло Вокор использовал материалы советских и венгерских киноархивов.

На снимке: Ласло Вокор и военный эксперт подполковник Михай Иллеш просматривают пленки.

Фото МТИ — ТАСС.

ГОДЫ ДРУЖБЫ

18 февраля исполняется 20 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Этот исторический документ сыграл важную роль в развитии братских отношений народов Венгрии и Советского Союза. Рост торговли, расширение контактов во всех областях приносят благотворные результаты в обеих странах. «Самым важным итогом прошедших лет по праву можно считать то, что венгеро-советская дружба и скрепляющий ее договор многократно выдержали испытание временем»,— писала газета «Непсабадшаг».

В прошлом году в связи с завершением срока действия этого документа был подписан новый советско-венгерский договор. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев назвал его «совместным ответом социалистической Венгрии и Советского Союза всем, кто хотел бы разобщить страны социализма. Этим историческим документом мы говорим, что СССР и Венгрия будут всегда вместе в борьбе за претворение в жизнь великого учения Маркса — Энгельса — Ленина, за строительство социализма и коммунизма».

Сестра, друг, помощник Ильича

Ей было бы теперь 90 лет.

Мария Ильинична Ульянова. Мы встречаемся с ней уже в первом зале Музея Революции — ее портрет на стенде, рассказывающем нам об агентах «Искры» и видных искровцах. С 1900 года она принимает самое живое участие в работе газеты, посылая свои информации и корреспонденции.

Здесь же, в этом зале, есть и еще один экспонат, к которому М. И. Ульянова имеет непосредственное отношение,— первое издание книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Ильич писал ее во время ссылки в Шушенском. Для этой работы ему требовалась масса материала, и Мария Ильинична делала для него выписки в библиотеке и посылала в Шушенское. В одном из своих писем Ленин тогда писал: «Маняшу благодарю за письмо: работу я ей задал теперь уже такую, что боюсь надоесть ей цифирью».

Сестра, друг и помощник Ленина, Мария Ильинична снабжала брата книгами, газетами, делала для него переводы писем Маркса. Когда Ильич находился в эмиграции, она организовывала издание его работ в России, посылала брату деньги, облегчая ему условия жизни на чужбине.

Революционной борьбе Мария Ильинична отдавала все свои силы и знания. Член большевистской партии с 1898 года, опытный конспиратор, она причиняла немало хлопот царским жандармам. Полиция следила за каждым ее шагом, ведя чуть ли не почасовую, иногда даже поминутную «хронику» ее жизни. В своих донесениях они окрестили ее кличкой Боевая. Один за другим следовали аресты и высылки — 1899, 1901, 1904, 1907, 1910, 1912, 1914-й.

В революционном 1905 году она работает в Петербургском комитете партии. С марта 1917 года Мария Ильинична — ответственный секретарь, а затем член редколлегии газеты «Правда». Двенадцать лет напряженной работы в редакции, дни и ночи над рукописями, гранками, полосами. За эти годы ею была воспитана целая когорта рабсельнкоров, из которых многие стали известными журналистами и писателями. И поистине трогательная забота об Ильиче — в тревожные дни болезни Ленина она всегда была рядом с ним, до самого его последнего дыхания.

Мария Ильинична возглавляла Бюро жалоб ЦКК — РКИ, борясь за неуклонное проведение линии партии, выступая против малейшей несправедливости, ликвидируя ошибки и извращения, мешающие налаживанию партийной и советской работы.

Неимоверная работоспособность отличала эту маленькую женщину. Огромная нагрузка, чрезмерная даже и для молодого организма, сломила ее здоровье.

Похоронена Мария Ильинична Ульянова на Красной площади, в Кремлевской стене, в нескольких шагах от Мавзолея Ленина.

Ю. МИХАЯЛОВ

Леонид СОБОЛЕВ

Вооруженный народ

I

Полвека тому назад в метельных вьюгах плоской прибалтийской равнины, у нарвских окопов, у псковских сел Углы и Яхново, в стуже и в бедствиях, в час смертельной опасности для только лишь созданной Советской республики ремесленники и крестьяне, заводские умельцы и бывалые солдаты, балтийские матросы и вчерашние студенты — совершенно разные люди, многие из которых впервые взяли в руки трехлинейку, остановили наступление мощной еще тогда германской лавины. В эти февральские дни родилась армия небывалого качества — поистине новая армия. Более точного определения, чем простые слова «вооруженный народ», для нее сыскать нельзя.

Никогда за всю историю человечества не было этого удивительного явления. Были испанские гверильясы, сопротивлявшиеся наполеоновским войскам. Были восставшие ирландцы, разгромленные Кромвелем. Было войско Гарибальди, волонтеры Костюшко, башкиры и яицкие казаки Пугачева, было когда-то войско Спартака. Было и то, о чем писал Лев Толстой,— как, поразив воображение всей Европы, над наполеоновскими полчищами поднялась дубина народной войны.

Но никогда за всю историю вооруженных восстаний, революций, национальных войн ни разу не воплощалось в действительность понятие «вооруженный народ». Часть народа — да. Лучшие из народа — да. Но не народ.

Дубина поистине народной войны поднялась в те вьюжные февральские дни, когда под ливнем пулеметного и артиллерийского огня армия — нерегулярная, необученная, невымуштрованная армия сумела остановить профессиональный, по-немецки рассчитанный напор доведенных до автоматизма полков. От всей русской наболевшей, исстрадавшейся за сотни лет души била врага эта дубина, била во весь размах, потому что не было иного выхода для спасения только что народившейся, еще в государственном младенчестве находящейся подлинно народной власти.

Она была еще как сказка, эта власть. Она была, как звезда, которая, упав с неба, может вот-вот погаснуть. Люди знали, что лишь отчаянными подвигами, лишь всей кровью своих сердец можно поддержать сияние этой пятиконечной звезды. Что только безмерным, предельным усилием мужества можно превратить эту сказку в жизнь.

Окопные солдаты, пряча заскорузлые бинты ран, вступали в новую армию.

Мастеровые, не знавшие за всю свою жизнь ни отдыха, ни достойного заработка, вступали в новую армию.

Вдохновенная интеллигентская молодежь, несомая великолепным парусом русской революционной романтики, вступала в новую армию.

Бывшие прапорщики, поручики, а порой и генералы, которым до смерти обрыдли царские неудачи в войне и которые по-своему преданно любили Россию, вступали в новую армию.

Крестьяне голодных царских деревень, уже хлебнувшие войны в солдатских шинелях, вступали в новую армию.

Балтийские матросы, корабли которых застыли во льдах Гельсингфорса, Ревеля, Кронштадта, вступали в новую армию.

Народ — народ во всем своем многообразии — вступал в новую армию.

Известна мудрейшая поправка Ленина в проекте декрета об организации Рабоче-крестьянской армии: о том, что вступать в нее будут те, кто наиболее сознателен. Тут и абсолютная вера Ленина в народ, тут и чистейшая, кристальная присяга: иду, ибо понимаю, почему иду в бой.

Так под Нарвой и Псковом произошло первое военное «русское чудо», чудо № 1, за каким потом последуют иные, которые будут поражать воображение человечества на долгом пути Красной Армии к своему пятидесятилетию.

Где же истоки этого длительного народного воинского чуда?

Мужество и стойкость. Отвага и беззаветная преданность революции — с в о е й революции. Только что вспыхнувшая в сознании множества людей и уже бессмертная мечта о справедливом будущем — с в о е м будущем, которое, пусть ценой собственной жизни, надо — обязательно надо! — завоевать для счастья и блага новых поколений. Кровная заинтересованность в успехе боя, от которого зависит успех дела всеобщего. Чувство локтя, когда ты знаешь, что с тобой такой же товарищ — большевик, труженик, обездоленный жизнью.

Вот черты этой армии народа, небывалой в истории.

Тогда не было времени разбираться, чем эта новая в истории планеты армия отличается от всех существовавших до нее. Это теперь мы знаем, что вооруженные люди впервые шли в бой не во имя чуждых для них интересов правящей верхушки. Не для колониальных захватов. Не для выполнения кабальных договоров с другими правительствами. Странно сказать, но они шли в бой даже не для защиты своей родной страны — ведь и до того русские воины издавна отважно слагали головы за Русь, за Россию, за родину-мачеху. Новая, небывалая армия воевала не только за свои поля, леса, хаты, избы, город. Нет, ее воины защищали свое будущее, которое встало над полярной ночью Российской империи, знаменуя собой приход длительного светлого дня. Вооруженный народ воевал за право существовать на земном шаре, с лица которого властители старого мира хотели стереть страну, сбросившую с себя их цепи.

Вот что произошло под Нарвой и Псковом в феврале 1918 года.

II

Февраль того года был необычайно вьюжный и снежный, а к этому подбавил еще свою долю и январь, завалив весь Петроград сугробами. Широкие прямые линии Васильевского острова превратились в траншеи, прокопанные среди снежных гор вынужденно трудолюбивыми руками артелей безработных офицеров — тех самых артелей, которые, как выяснилось через десятилетия, были главным резервом несостоявшегося восстания во имя Учредительного собрания.

И подобно тому, как столица превратилась в заваленное снегом сибирское село, бывшее Морское его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича училище (надпись, которая влезала в ленточки на наших бескозырках лишь телеграфным кодом) превратилось бог знает во что. Регулярные занятия не проводились уже с половины января, в классах и в просторных залах царила странная растерянность, знаменитый столовый зал, казалось, накренился — и по зеркальному его паркету мы, сто двадцать старших гардемаринов, то есть выпускников, ждавших отмененного производства в отмененный чин мичмана, катились в неизвестность со скоростью, нараставшей каждый день в связи с событиями за стенами училища. Училищный комитет, членом которого я неожиданно для себя стал с прошлой осени, не мог придумать ничего лучшего, кроме философского решения: помогать желающим перейти в технологику, в университет, в политехникум или еще куда.

Быт, установленный вековыми традициями, распадался на глазах. В конце января началось одно из тех странных поветрий, которые часто появляются среди молодежи, не знающей, куда себя девать: в ротном зале, где еще недавно в строгом порядке стояли конторки для занятий, началось строительство индивидуальных «кают». Кому-то пришло в голову притащить из раздевалки четыре рундука — по-сухопутному шкафа для одежды, образовавших стены первой «каюты». Сюда из спальни переехала койка с присущим лишь Морскому корпусу холодным пунцовым одеялом,— и тотчас началось всеобщее переоборудование ротного зала. Знания, полученные в минном и электротехническом кабинете, пригодились: в «каюты» подошла электропроводка, чудовищная с точки зрения техники безопасности: осветительные приборы типа «на соплях».

Как в те дни старинное здание Морского корпуса не сгорело — я до сих пор удивляюсь.

Главным занятием несостоявшихся офицеров российского императорского флота стало добывание карманных денег, которые в благополучные годы отпускались родителями. Но родители к тому времени явно сдали: даже местные Ротшильды — граф Бобринский или барон Медем — скулили о каких-то сейфах, которые большевики запечатали. Поэтому всем — а в особенности нам, бессемейным провинциалам,— приходилось измышлять какие-то новые средства существования. Кое-кто подался в артели чистить снег или пилить дрова, кое-кто ринулся в неведомые пучины коммерции.

Поэтому, когда Павел Регель, сын известного ученого, директора Ботанического сада, с таинственным видом зашел в мою «каюту», вручил мне серебристо-золотую коробку французских сардин и предложил некую коммерческую сделку, я согласился. Операция заключалась в том, что я должен был распространить среди маленьких лавчонок Васильевского острова (или иного района) эти сардины в количестве двухсот баночек, предъявляя полученный мною образец товара, доставку которого брал на себя сам Решка. При этом я имел право сделать свою надбавку (оказалось, она именуется «куртажем») на указанную им цену. Я спросил — какую? Он ответил: «Думай сам». Демон наживы овладел мною. Я решительно сказал: «Вдвое». На это Регель ответил: «Мальчик, не зарывайся. Тогда никто у тебя не купит. От силы можешь десять процентов». Но тут же великодушно снабдил меня сравнительной таблицей курса денежных знаков, имевших хождение: керенок, думских, царских.

Я тотчас устремился на завоевание рынка, отыскивал в снежных траншеях еще не прогоревшие лавчонки. На восьмой или девятой мое терпение начало истощаться, потому что везде, назвав свою цену, я получал отказ, и я горько подумал о том, что воспитание в военно-учебных заведениях не подготовило меня к реальной жизни. На какой-то десятой или одиннадцатой лавке упитанный кавказец вынул из-под прилавка точно такую же серебристо-золотистую коробочку и, иронически посмотрев на меня своими черными маслинами, благожелательно сказал: «Слушай, ты, матрос с разбитого корабля, могу предложить хороший гешефт. Скажи, душа мой, сколько у тебя таких коробок?» Я гордо ответил: «Двести. Утром могу доставить». «Я даю тебе четыреста. Устрой за полцены, бери себе десять процентов, будешь счастлив, и я вместе с тобой».

Потом выяснилось, что Регель был уже девятым контрагентом этой поставки деликатесов. И так как каждый набавлял свои десять процентов, то купить сардины за двойную стоимость мог только сумасшедший или такой же коммерсант, как и мы.

Совершенно огорченный, я тут же на улице взял роскошный ключик, вскрыл консервы и съел французские сардины, после чего с тяжестью на сердце и с разбитыми мечтами пошел на последние деньги в кинематограф. Там, как было положено, перед сеансом выступали артисты. Пожилой, болезненный человек с густо напудренным лицом и в потертом дореволюционном фраке начал мелодекламацию под расстроенное пианино. Это были всем известные тогда стихи Апухтина.

Мухи, как черные мысли, весь день
не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей
головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж
уселась другая...
...Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь
поскорее!

Это я прослушал равнодушно, весь занятый крахом предприятия. Но второй куплет унылой этой мелодекламации странным образом задел меня за живое.

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают
мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей
головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце
впилася другая...

И конец был абсолютно мрачный: поскорее бы вечная ночь. И хотя в моем возрасте об этом я еще пока не думал, но стихи сопровождали меня всю обратную дорогу до училища. Я повторял эти нехитрые строки, действительно чувствуя, что мысли — одна мрачнее другой, одна сложнее другой — вьются надо мной, как черные мухи. Далеко не первую ночь они не давали мне покою, как и многим моим сверстникам в роте. Что делать?.. Ходили упорные слухи, что училище вскоре будет распущено. Уже вторую неделю я тайно от всех выполнял в своей «каюте» превосходно задуманный план. Логика его заключалась в том, что раз идет революция, военных кораблей не будет — интернационал так интернационал!.. Конечно, это будет не сразу — и за это время надо успеть переменить профессию. Я купил учебники по экономической географии, справочники Ллойда, изучал правила торгового мореплавания, искусство загрузки трюмов — словом, то, что могло дать мне шанс стать штурманом торгового флота...

Этому плану весьма мешала действительность. Петроград был под угрозой прорыва фронта где-то под Нарвой и у Пскова. Обстановка с каждым днем становилась все тревожнее, вызывая в старшей гардемаринской роте самую различную реакцию. Позавчера в курилке Борис Канин, незадачливый второгодник, сын командующего Балтийским флотом, смещенного Временным правительством, сказал цинично и просто: «Немцы, слава богу, подходят к Петербургу. Вот когда увижу на Невском первого шуцмана, ей-богу, бухнусь ему во фронт...» Его поддержали — не так уж многие. Но никто не влепил пощечины.

Еще несколько ночей провел я в невеселой компании черных мыслей. Надо было что-то решать.

Но решила история. «Морское е. и. в. насл. цес. Алексея Николаевича училище», потом просто Морское училище — окончательно перестало существовать. Я в последний раз вышел из его стен с буханкой хлеба, тремя фунтами масла и удостоверением, в котором значилось, что бывший старший гардемарин такой-то согласно декрету народных комиссаров уволен с действительной военно-морской службы. Через неделю я уехал в Гельсингфорс и 23 марта был зачислен в списки эскадренного миноносца «Орфей».

В архиве моем хранится удивительный документ:

ПРИКАЗ

Прибывшего на вверенный мне дивизион б. старшего гардемарина Соболева Л. С. назначить на э/м «Орфей» на должность вахтенного начальника и ревизора с одновременным производством в чин б. мичмана.

Начальник 11-го дивизиона
Балтийского флота
б. капитан 2 ранга
б. граф К а й з е р л и н г

А я заполнил пробелы в другом документе той эпохи:

УСЛОВИЯ

Я, нижеподписавшийся, гражданин Социалистической Федеративной Советской республики . . . . губ. . . . . . . уезд . . . . вол. . . . . . . деревни . . . . . специальность

Добровольно вступаю в ряды Рабочего и Крестьянского Красного Флота.

1. Твердо стоять на платформе Советской власти и защищать ее от всех посягательств контр-революции, откуда бы они не исходили.

2. Исполнять точно и беспрекословно все распоряжения, исходящие от Советской власти и лиц, избранных ею, если их распоряжения не противоречат постановлению Советов.

3. Переносить все лишения и невзгоды, связанные с трудностью борьбы с контр-революцией, с терпением революционера.

4. Обязуюсь прослужить в рядах Рабочего и Крестьянского Красного Флота не менее шести месяцев, считая от . . . . 1918 года.

5. Соблюдать и поддерживать революционный порядок, основанный на товарищеской солидарности, преданности социализму и взаимном уважении друг к другу, твердо стоять на охране чистого знамени армии и флота, а также искоренять и решительно бороться со всеми поступками бросающих тень на это чистое знамя.

...6. Во время занятий или в плавании не оставлять самовольно указанное место и занятие.

7. Соблюдать все правила в целях сбережения народного имущества, амуниции и вооружения и соблюдения гигиены, установленные соответствующими комитетами.

8. Знаю, что в случае нарушения хотя бы одного пункта этих условий виновный будет караться по всей строгости военно-революционного времени.

Все эти условия обязуюсь выполнять в точности.

В чем и расписываюсь . . . .

Шесть месяцев этих «условий» превратились для меня в долгие годы — сперва на штурманских мостиках, потом в штабе Балтийского флота, а потом — в литературе. Так я определил свою судьбу и связал свою жизнь с РККФ, с ВМФ Советского Союза. И отступать от этой почетной моей мужской обязанности не собираюсь до последнего вздоха.

III

Удивительное дело: теперь, через полвека, наивные и сентиментальные апухтинские строки приобрели звучание почти мистическое, глубину необыкновенную, масштабность неожиданную.

В самом деле — крупные, злые, опасные черные мухи жалят, язвят и кружатся над бедным земным шаром. Черные мухи испускают из себя ядовитые струи, отравляющие рисовые посевы. Черные мухи гадят бомбами, истекают жидким огнем, испепеляя деревни и кварталы городов. Черные мухи кружатся круглые сутки над земным шаром, неся наиопаснейшую, небывалую в истории человечества проклятую атомную смерть: или мгновенную — за 8 секунд 80 тысяч трупов,— или длительную, на десятки лет — смерть от лучевой болезни.

И не только ночами — и днями мысли, как черные мухи, множеству людей во множестве стран не дают покою. На разных языках люди думают, думают... Думают об одном и том же — о непрестанно висящей над ними смерти, несомой постоянно патрулирующими самолетами Пентагона, который с холодным цинизмом отвергает элементарные суверенные права каждого государства на свои границы. Пентагон считает, что в небе границ нет. Поэтому черные мухи уже загадили проклятыми атомными экскрементами чистое море у берегов Испании. Поэтому они недавно радиоактивно наследили на девственных гренландских льдинах. Страна мирных рыбаков подверглась угрозе лучевой болезни. Уже доказано, что плутоний, который оказался в водах Баффинова залива, может распространиться океанскими течениями и отравить рыбные стаи, лишить заработка множество людей, не имеющих никакого отношения к бесчеловечной стратегии американских вояк.

Планету пора дезинфицировать. Пора опрыскать черных мух сильнодействующим ДДТ мирового общественного мнения.

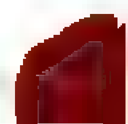
Когда-то я писал о том, что атомная война может начаться по вине американского летчика, который, перебрав виски перед вылетом в очередной патруль, нажмет спьяна кнопку бомбосбрасывателя. Жизнь ввела неожиданную поправку. Оказывается, пентагоновские летчики весьма плохо обучены искусству управления самолетом: они не умеют его сажать, они вываливаются на парашютах, следя, как бедняга врезается в воду или в лед вместе с атомными бомбами. Оказалось еще, что эта передовая техническая страна весьма плохо строит свои самолеты, если они, как гнилые яблоки, падают там и здесь.

Какое же право имеет Пентагон возить над головами людей разных наций одинаково ужасную для всех них постоянную угрозу лучевой болезни и отравления чужих вод? Когда кончится это?

Мы празднуем в эти дни пятидесятилетие самой справедливой армии, когда либо существовавшей на земном шаре,— Вооруженных Сил Советского Союза. Иное их наименование — вооруженный народ. И на наших глазах только что со всей убедительностью проявилась могучая сила этого понятия.

Люди, которых считали «отсталыми» технически и культурно, вчерашние рабы колонизаторов, бьют, как хотят, культурных и невообразимо оснащенных техникой американских вояк. Бьют, как полвека назад в снегах вьюж-

М. Чепик. ГВАРДЕЙЦЫ ОКТЯБРЯ. (Фрагмент) 1967



В. Токарев. КОМИССАР. 1967.

Е. Моисеенко. ВЕСТНИКИ. 1967

ного февраля била агрессора дубина народной войны. Теперь она поднялась в жарких и влажных джунглях: за Армией освобождения стоят десятки, сотни тысяч тружеников Южного Вьетнама.

Кажется, Александр Македонский произнес решительные слова: «Я заставлю их быть счастливыми!» Вот так и сейчас: Соединенные Штаты хотят во что бы то ни стало заставить вьетнамцев быть счастливыми, не справляясь о том, сходится ли их понятие о счастье с понятием вооруженного благодетеля. Не хочет вьетнамский народ счастья с маркой «Made in USA». Но чтобы эти туземцы все-таки стали счастливыми, американские бомбардировщики сбрасывают бомбы теперь уже на головы самих своих подопечных, как это делается в жилых кварталах Сайгона, в Гуэ и в других городах. Логика потрясающая: во имя защиты их населения от ужасно плохих «вьетконговцев» валить ему на головы бомбы с лицемерным припевом: нет, мы заставим вас быть счастливыми!..

А может быть, достаточно этих многолетних попыток насильственного внедрения счастья? Может быть, вьетнамский народ станет счастливым и сам, без этой ужасной помощи? И не будет ли для него первейшим счастьем мирный труд на неотравленных полях, мирная жизнь в неразрушаемых городах?.. Поистине безумный, безумный мир, мир чудовищных государственных преступлений, мир отчаянных конвульсий обреченного на историческую гибель класса, правящего на других континентах.

И не случайно надеждой человечества, усталого от крови, разрушений и угрозы радиации, единственным светлым пятном на мрачной, окровавленной, задымленной планете было и есть существование нашей воинской мощи, мощи нового общества.

Когда-то во времена ЛОКАФа я, молодой тогда литератор, имел беседу с одним ныне покойным французским писателем, расположенным к нам и говорившим по-русски. Я пытался внушить ему весьма ясную для меня самого мысль: «Красная Армия — это армия мира». Человек остроумный, он спросил, в каком значении стоит здесь слово «мир». Если «армия вселенной», то это пахнет экспортом революции... «Вот случай,— сказал он с улыбкой,— когда действительно надо ставить точку над «и», и жаль, что ее отменили». По силе возможности я разъяснил ему свою мысль, которую исповедую и сейчас.

Только благодаря тому, что на планете существует трезвый, спокойный, пристальный взгляд в прицелы всех дезинфекционных антиагрессивных оборонных устройств, только благодаря тому, что денно и нощно из необозримых наших просторов и из океанских глубин могут вырваться могучие огненные ангелы возмездия, способные покарать любую сошедшую с ума точку земного шара, только благодаря этому планета может спать относительно спокойно. От безумства поджигателей ее охраняет выдержанная в поступках и беспощадная в действиях военная мощь, не раз за эти полвека спасавшая родину коммунизма.

Недаром по земному шару катится благословенное цунами протеста против грязной войны во Вьетнаме. И как бы многоэтажен ни был пятиугольник Пентагона, волна этого цунами зальет разжигаемый там огонь.

Ах, как бы хотелось голодным ястребам кинуться на намеченную жертву!.. Как бы незадачливым военачальникам хотелось подправить свою репутацию новыми массовыми убийствами вьетнамских детей и стариков!.. Как бы банковским воротилам хотелось спасти свои военные дивиденды!..

Если бы да кабы, то во рту росли грибы...

Так нет же! Не вырастут ни у кого во рту эти грибы, как не вырастет над планетой новый атомный, ужасающей памяти Хиросимы и Нагасаки атомный гриб! Не вырастет потому, что хозяева красной кнопки знают, что, нажав ее, они вызовут на себя мгновенную и беспощадную казнь.

Не будь на планете нашей боевой вахты, не будь ленинской, интернациональной, спасительной для народов всего мира армии, безумный угар империалистического самомнения (весьма неоправданного, как показал Вьетнам) уже развязал бы мировую войну.

В сказаниях всех народов великан, герой, богатырь всегда спокоен, разумен и справедлив. И наоборот — злые силы всегда глупы, истеричны, пристрастны. Наша сила спокойна, разумна, справедлива. В этом — счастье наших советских республик, залог спокойствия, будущее наших детей и внуков. Эта сила создана гением партии, трудом советского народа, волей удивительной нашей молодежи. Эта сила проверена полустолетием, которое увенчано лаврами множества фантастических побед.

И потому благодарно и благоговейно многомиллионные взоры советского народа обращаются к воинству нашему, к хранителям нашего покоя на земле, в небесах и на море.

Земной поклон вам, воины наши! Земной поклон от всех людей, кто мечтает о мире, кто не спит ночами, преследуемый зловещим жужжанием черных, трижды проклятых мух. От тех, кто, мечтая о ребенке, молит Иисуса Христа, Мадонну, Будду, Иегову, чтобы ребенок не был мальчиком, ибо его втянут в войну. Земной поклон от всех людей, кто на разных широтах и долготах борется за место под солнцем, кто, создавая боевые отряды, вспоминает ваши нарвские и псковские бои. Земной поклон от тех, кто просто хочет... просто хочет... ну, просто хочет...— поймите же, наконец, вы, поклонники тезиса «Я заставлю вас быть счастливыми»! — просто хочет ж и т ь... Ж и т ь!.. То есть не бояться напалма, бомбы, яда, чертолета, электрической пытки допроса... Не дрожать при гуле пролетающего над головой самолета, несущего над их головами страшный призрак Хиросимы, Испании, Гренландии...

В блоковской метели, в которой шли его Двенадцать, в том, понятном только нам, свидетелям того времени, фантастическом смешении отчаяния одних и взлета надежды других, революционной романтики, ленинской мудрости и стратегии, нищеты бытовой и невероятного богатства мыслей и чувств, в том спазме энергии, который поразил последующих историков, в титаническом порыве к революционной мечте, полсотни лет тому назад в тяжких родовых схватках, облитая кровью и слезами, появилась на свет честнейшая и благороднейшая Красная Армия. Потом выросли богатыри Великой Отечественной войны, современные маги атомных подводных лодок и ракетных дивизий, воины нового поколения, слава и надежда наша — воины, кто охраняет наш покой.

И не только наш — планеты.

Что касается нас, советских людей,— с нас хватит. Мы досыта навоевались. Мы отстояли свою молодую республику. Мы отбились от мелких укусов на Хасане, на Халхин-Голе. На удивление всему вашему миру мы переломили хребет раскормленному фашистскому зверю. Зачем нам воевать?

Наша война — война идей. Война умов. Война сердец. Война совести планеты против совести золотого мешка.

Сразимся здесь. Сколько будет перебежчиков из вашего лагеря?

Когда же вы, люди издыхающего мира, поймете, что ваша ставка проиграна?

Анатолий ЗЕМЛЯНСКИЙ

Сказание о тачанке

ОЗОН

На большой, на крутой стезе
Громы с молнией, гул и рокот...
Были градинами в грозе
Пули, ливнем — копытный топот.

Вырывались — взрывали бой,
И невидимые пунктиры
Пришивали сквозной строкой
К ребрам юнкерские мундиры.

Гей, тачанки!.. Вполнеба звон,
Кони ископыть в небо мечут...

До сих пор той грозы озон
Очищает и человечит.

СУДЬБА

Латунью блях начищенных лучится
Посланница дерзаний и тревог.
Как солнце в утре, вызревают
спицы
В мятущихся сплетениях дорог.

Ни постука, ни ржания, лишь это:
В сознанье, в чувство, в память
и в глаза —
Фильтрация мерцающего света
Сквозь ошалелый веер колеса.

Свечение, вращение, движенье,
О камень обод яростно искрит...
Летит тачанка в свет
[illegible]
И день и ночь из ночи в день
[illegible]

Путь позади не выстолблен,
но ярок.
И не тускнеет высверк огневой...

Ее, летящую с отвагой ярой,
Мы наделили песенной судьбой.

СИЛУЭТЫ

Над русскою бунтующей землею
Два силуэта мечутся в лучах:

Чапай с прицельно кинутой рукою
И Петька за прицелом «станкача».

Глаза закрою — оживают: вижу
Залом папахи, ветрорезом — лоб.
И жадно вспышки влажный воздух
лижут,
Трясет повозку бешеный озноб.

Галоп горяч, пружинист и удал.
Тачанка мчит путем своим
неблизким
Меж небом и землей — над
обелиском,
Что смотрится у Лбищенска
в Урал.

КОНИ

Напружинили воздух яростно,
Натянули на ветер гривы;
В перекошенном зраке красном
Бес отчаянный и пугливый.

И ложится и гулко стелется
В бездорожье железным дымом
Ног пружинистая метелица,
Побратимица вольным гривам.

Ветру — груди, земле — копыта,
Сердце — людям, вся силы — бою...

Живы в памяти, не забыты
Кони — бронзовые герои.

РИТМЫ

Я зову тебя сердцем века,
Революция. Ты в дела
Победившего человека
Непокорный огонь влила.

Он по венам потек, пульсируя,
Вырос крыльями у меня.
Веру, верность свою и силу я
У того отогрел огня.

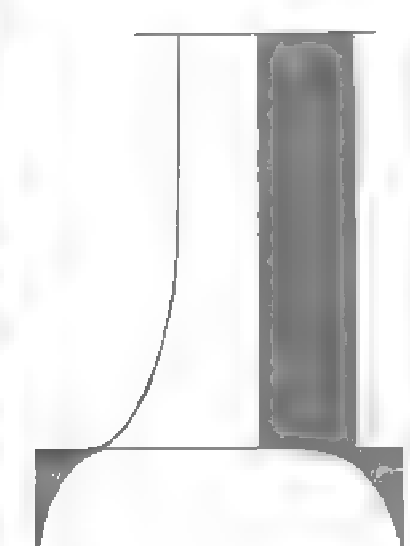
По-октябрьски в эпоху влиты мы
И за высью седлаем высь...

Не твои ли, тачанка, ритмы
Сердцу века передались?

Два мгновения из истории Советских Вооруженных Сил.

Год 1921-й: В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов с группой делегатов X съезда РКП(б), участников подавления кронштадтского мятежа.

Год 1967-й: марш могучих ракет на параде, посвященном пятидесятилетию Великого Октября.



Маршал Советского Союза К. Е. ВОРОШИЛОВ

В огне ожесточенных боев с врагами Советского государства рождались Советские Вооруженные Силы. На фронт под Псков, Нарву, Ревель (Таллин) уходили красные бойцы в феврале 1918 года с лозунгами: «Товарищи! Умрем за Советскую власть!»

Я счастлив, что начинал свою сознательную жизнь еще в годы революционного подполья и вместе с другими коммунистами-ленинцами влился в славную семью советских воинов, защитников Октября.

Созданные в самую тяжелую для нашей страны пору, Советские Вооруженные Силы на всех этапах своей полувековой жизни с честью выполняли и выполняют высокие задачи, поставленные перед ними Коммунистической партией и Советским правительством. Нерушимый фундамент полувекового строительства наших Вооруженных Сил — это идеи Ленина, повседневное руководство партии, разработанные Владимиром Ильичем принципы формирования, укрепления и совершенствования армии нового типа, армии трудящихся, зорко оберегающей октябрьские завоевания.

Великий стратег и тактик пролетарской революции Ленин еще в 1905 году писал, что «только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы». И партия, следуя указаниям Ленина, создала армию, которая незыб-

ОРОГА СЛАВЫ

Фото Дм. Бальтерманца.

Это твои современники, читатель. Твои защитники и твои друзья. Мужественные и сосредоточенные, улыбчивые и жизнелюбивые. Как тысячи их товарищей по оружию. Познакомьтесь: Вячеслав Симаков — летчик, Петр Новичков — ракетчик.

лемо стояла, стоит и всегда будет стоять на страже свободы и независимости нашей Родины.

Вспоминаю свою юность и юность Красной Армии.

Первые красноармейцы твердо знали, что защищают родную землю, дело народа, новую жизнь, и именно поэтому они проявляли чудеса храбрости и героизма, были готовы завоевать победу любой ценой, даже ценой собственной жизни. Не холопами, не продажными наймитами вступали они в ряды Красной Армии, а передовыми бойцами революции. Между тем большинство из них были люди молодые, которые так и не узнали ребячьих забав, для которых постелью был сырой окоп, а подушкой — седло или охапка соломы. Верные идее борьбы за народное счастье, за лучшее будущее всего человечества, грудью своей они отстояли Октябрь, наголову разгромили несметные полчища внутренней контрреволюции и иноземных захватчиков.

Дети и внуки тех бойцов, весь наш народ в неимоверно тяжелых условиях построили социализм и отстояли его в суровые годы Великой Отечественной войны. Ныне вместе с нами по пути социализма и коммунизма идет значительная часть че- [illegible]

Чем больше времени отделяет нас от тех грозных немеркнущих лет, тем легендарнее становится для нас, ветеранов Советской Армии, наша солдатская, красноармейская юность. Чем старше становимся мы вместе со своей родной армией, тем ощутимее для нас грандиозная революция в военном деле, которую под руководством Коммунистической партии осуществил наш народ, вооруженный достижениями современной науки и техники. От винтовки к ракетам всех радиусов действия, от «тачанки-ростовчанки» к ракетоносцам — таков путь Советской Армии за 50 лет.

Но как ни велика роль техники в защите Отечества, по-прежнему решающее слово за человеком, овладевшим этой техникой, за его верой и убежденностью в правоте всенародного дела. И хочется пожелать командирам и политработникам Советской Армии и Военно-Морского Флота:

— Не жалейте сил, воспитывая солдат и матросов в духе верности воинской присяге, верности Отчизне. Пусть подвиги доблестных Вооруженных Сил СССР в пору минувших войн служат вдохновляющим примером для молодого поколения. Наш долг и священная обязанность — во что бы то ни стало сохранить мир на земле, спасти народы от термоядерной войны, разгромить наголову любого агрессора, который посмеет напасть на нашу Родину, на социалистический лагерь.

...Я всегда с большим волнением наблюдал за лицами солдат в тот момент, когда они застывали в строю перед воинским знаменем. Казалось, что пламя кумачового стяга озаряет своим светом молодые лица. Представляю, как и в эти праздничные дни будут стоять в торжественном строю сыны Отчизны, готовые произнести слова воинской клятвы.

Представляю, как пронесут перед тобой, молодой солдат, святыню полка, его знамя, красным шелком вытканный боевой стяг, под сенью которого насмерть бились с врагами твои отцы и деды. Мысленно стою рядом с тобой, советский воин, и говорю тебе от имени отцов и дедов:

— Будь достойным наследником их славных революционных и боевых традиций. Пусть светел будет твой путь во вторую половину века героических Вооруженных Сил нашей великой Родины — оплота мира и безопасности народов нашей планеты.

К. Ворошилов

Они всегда начеку, стражи нашего неба.

...ятся танки, ветер обгоняя.

Фото корреспондента ТАСС М. Радыгина.

ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ
Фото корреспондента ТАСС М. Редькина.

Лето 1945 года. Домой!
Фото А. Архипова.

Борис ДУБРОВИН

Ночь тревоги

*

Ты подключаешься мгновенно
К приборам, в небесах скользя...
Где руки, где штурвал антенны,
Определить уже нельзя.

Во взгляде, небо стерегущем,
Стремительностью рождена,
Как озабоченность грядущим,
Сосредоточенность одна.

В обрез пустынного экрана
Перевидавшие бои
Так пристально и неустанно
Глаза впиваются твои.

*

Сверхскоростная в стратосфере,
За тридевять земель,
В недосягаемость поверившая,
Несущаяся цель
Постылой точкою туманно
Из глубины высот
В стекле пустынного экрана
Томительно ползет.

*

Мгновение назад — ни рева
И ни тепла:
Гигантской пулей оперенной
Она была...
Мгновение...
Зарывшись в пламя,
Слепя глаза,
Она рванулась,
Тучи плавя,
Сквозь небеса.

И клочья взрывов не осели,
Иль взгляд ослеп;
Лишь паутинкою осенней
Ракеты след.

*

На командном пункте все почти
Гаснут, хоть не рассвело,
Индикаторные лампочки,
И экраны, и табло.

Ночь тревоги...
Отработали!
Все! Отбой! На день? На час?
И уже высоковольтные
Выпрямители молчат.
Замолкают вентиляторов
Сдержанные голоса,
Темнотой до срока спрятанные,
Просыпаются леса.
Преисполненный беспечности,
Продолжает птичий хор
Закодированный вечностью
Мимолетный разговор.

*

Блаженно у ракетной батареи,
Хоть жить в кротовой норке
обречен,
Прерывистою трелью канарейки
К сверчихе порывается сверчок.

Поля земли, прильнувшие
с рассветом
К полям небес, к лугам
голубизны...
Прислушиваются ракеты
К рассказам ветра,
К шороху весны.

Евгений ЕРХОВ,
капитан

Родство

Песня

Гармонь простуженно сипела.
Не мудрено — такой мороз!
А рота пела.
Рота пела!
И песня выросла до звезд.

Дух перехватит от такого.
И слушала ее страна
вся —
от святого Куликова
до славного Бородина.

И не было с той песней сладу.
И гармонист наш так играл,
как будто пальцами он даты,
не клавиши перебирал!..

Армии

Ты не предлагала мне дорог,
где всегда сопутствуют удачи,
и не избавляла от тревог,
задавая трудные задачи.

И в одежде выбора за мной
ты не оставляла —
мне со склада
выдавалось лично старшиной
для работ она и для парада.

В строй меня поставив в самый
хвост,
ты, чтоб не обидеть даже словом,
во вниманье взяв мой малый рост,
нарекла меня левофланговым...

России

Ловлю губами воздух синий,
сшибаю с трав пыльцу рукой
и словно наливаюсь силой,
сливаясь, Родина, с тобой.

И знаю я: меня, как сына,
послав на линию огня,
несметные хранишь ты силы
в травинке каждой для меня!..

В ночной полет.

Нелегок труд сапера.

Фото Г. Макарова и Дм. Бальтерманца

ВО ИМЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Не забыть мне те годы,
 когда эшелоны
По дорогам России
 на запад текли
На стоянках ночных
 в городах затемненных
Повстречать нас порою
 солдатки могли
Горьким было для них
 мимолетное счастье —
В неизвестность
 на фронт проводить эшелон,
Посмотреть на солдат незнакомых
 с участьем
И подумать о каждом:
 «Вернется ли он?»
За чертой, где война
 обрывала дороги,
Где селенья она
 выжигала дотла,
Я в могилах оставил
 товарищей многих —
Завоевана кровью
 победа была
Не хочу чтоб войны
 обжигающий ветер
Снова запахом тлена
 дышал мне в лицо,
Чтобы,
 став не по возрасту хмурыми,
 дети
Вспоминали
 домой не пришедших отцов.
Я хочу
 чтоб шагала любовь по планете,
Чтоб потомство
 не ведая страха, росло
Чтобы пели заводов гудки
 на рассвете
Славя счастье труда
 и стихов ремесло,
Чтоб в полях наливался
 увесистый колос
Чтоб летели мы в космос
 со станций земных
Ну, а если враги
 не услышат наш голос,—
Нашу силу узнают
 Тем хуже для них!

Владимир МАТВЕЕВ

Морская пехота штурмует берег.

Переправа, переправа...

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Евгений ВИНОКУРОВ

НЕ ОТКРЫВАЮТ ВТОРОГО ФРОНТА

Мы сели с этой, а с другой руки,
сюда, вот этак, сели иностранцы...
О, как белы у них воротники!
О, как крепки их ровные румянцы!
И разговор: — Да, вы спасли Москву!
— Вы держитесь неплохо! — И так дале...

Они не выли в Гомеле во рву!
Они блокадных кошек не едали!..

— Я очень рад! Да! Да! Я очень рад!
Крепитесь. В мире вы не одиноки!..
И к «виллису» идут. Благодарят.
Очкасты. Длинношеи. Длинноноги.
Один все машет! Мы, откозыряв,
молчим, бездонных бедствий очевидцы...

...Вот так махал, наверное, Исав,
большой знаток библейской чечевицы.

ОТМЕРЗАЮ

За день перемучившись, продрогши,
Сел у печки. Снова жизнь мила:
Грею руки и полны пригоршни
Неправдоподобного тепла.

Не болтать, не спорить по-пустому,
Только б слушать, как сквозь снежный гам,
Очень медленно ползет истома
По неотмерзающим рукам.

Только б слушать всем гудящим телом
Стон времянки, теплотой дыша,
Так, чтоб отошла, чтоб отпотела
За день перемерзшая душа.

1944 г., декабрь,
4-й Укр. фронт.

* * *

Я говорил: к своей большой свободе
Идет по руслу тесному вода...
На жесткий долг, что царствовал в природе,
Не сетовал я в жизни никогда.

1944 г.,
4-й Укр. фронт.

■

НАДПИСЬ НА ВОЕННОЙ ФОТОГРАФИИ

Когда иссякнет голос правды
Во мне внутри
и я ко дну
Пойду и, суесловя, клятвы,
Хрипя, выкрикивать начну,

Ты брось в лицо мне это фото,
Где, только начиная путь,
Я щурюсь,
встав вполоборота,
Глаза презрительно чуть-чуть...

1944 г.,
4-й Укр. фронт

ШОФЕР

Когда-то в осенних Карпатах,
с тех пор
времени минуло много,
машину гонял по дорогам шофер...
Эх, фронтовая дорога!

Любил он лететь,
отпустив тормоза,
мимо провалов и рощиц,
так, что зажмуривались глаза
нервных регулировщиц.

Он спал на сиденье,
свернувшись ужом.
И часто,
— Да, э, чего там! —
в консервах мясных ковырялся ножом,
выпачканным тавотом.

Не сдержан он был на язык
и остер, —
не шли ему что-то отличья...
Любил он на свете мотор и простор
и песни любил ямщичьи.

Но мина накрыла.
И дело с концом:
раскинул он руки в бензоле.
Да так вот и умер
с небритым лицом
и в рваном комбинезоне.

1945 г.,
4-й Укр. фронт.

КАЗЕННОЕ ОДЕЯЛО

Со сновиденьями борясь,
Кто злым и исхудалым
Не накрывался хоть бы раз
Казенным одеялом?
Оно щеку до рези трет,
Оно во сне влезает в рот...
На нем бельмо от киселя
И пятна от кашицы...
...Казармы и госпиталя,
Бараки и больницы!
Линялое, давным-давно
До ниток вытерто оно,
И как вздыхается иным
По дому, бедным малым,
Под тем жестоким шерстяным
Казенным одеялом.

1945 г.,
4-й Укр. фронт.

* * *

Я цель увидал пред собою...
И словно бы в дымном краю
Выносят солдата из боя,
Так вынес я душу свою.

С отвагой сестры батальонной
С дымящейся передовой
Я вынес ее опаленной
И стонущей,
но живой...

1945 г.

Страшной силой Кузнецова откинуло от орудия, ударило грудью обо что-то железное, жесткое, и с замутненным сознанием, со звоном в голове он почему-то хотел еще понять, что это так тупо ударило его в грудь болью, ядовито обдало чесночным запахом. Его тянуло на тошноту, душило кашлем, и оттого, что чувствовал это, скользнула мысль, что он не убит, что его только ударило рванувшейся в лицо огненной волной, откинуло от прицела и надо открыть глаза, вдохнуть воздух, встать... Но он не мог встать: нечто огромное, черное, жаркое наваливалось на него, било по плечам, взрывалось, гремело над головой, знойно опаляя волосы [illegible]

«Где Давлатян? Я должен успеть... Танки!» — мелькнуло в его сознании мутным отблеском чего-то неотвратимо опасного, и тотчас он, давясь, почувствовал, как рот его наполняется соленым и теплым. «Значит, я жив! Я чувствую...»

И он с усилием попытался поднять голову, закашлялся, разомкнул как бы спаянные веки и внезапно и смутно, как в пелене, увидел странные красные пятна на своей измазанной смазкой руке, поджатой к самому лицу. «Что это — кровь? — подумал он. — Откуда она? Я кашляю кровью? Я стрелял по танкам! Была рядом Зоя! Что это?»

— Лейтенант!.. Миленький! Лейтенант!..

Выплевывая кровь, он поднял голову, и ощущение реального медленно вернулось к нему.

Он лежал грудью на открытом снарядном ящике между станин, на два метра откинутый взрывной волной от щита орудия. Правая сторона щита угловато, разорванно торчала, с неистовой силой исковерканная осколками. Правую часть бруствера начисто смело, углубило воронкой, корявο обуглило, а за ним в десяти метрах было объято непонятно тихим, но набиравшим силу пожаром то огромное, железное, что недавно неумолимо катилось на орудие, заслоняя весь мир.

Второй танк стоял вплотную с этим пожаром, чуть развернув влево опущенный ствол орудия — в сторону моста; мазутный дым нитями, длинными, как щупальца, вытекал из него.

В первом танке с визжащими толчками, с треском ударов рвались снаряды, башню сотрясало, и гусеницы, лязгая, шевелились, как будто он еще жил, этот танк. Отвратительный, сладковатый запах жареного мяса, смешанный с горевшим маслом, распространялся в воздухе.

«Это я подбил два танка? — тупо подумал Кузнецов, плохо соображая, задыхаясь от этого сладковатого запаха, и его опять затошнило, выкашлило кровью. — Нет, я стрелял по одному танку... Я не помню, как это было... Когда меня ранило? Куда меня ранило? Где Зоя? Она была рядом...»

— Зоя! — крикнул он, но это был не крик, а сиплый шепот, вырвавшийся из горла. И он опять закашлялся.

— Лейтенант... миленький!..

Она сидела под бруствером, обеими руками рвала, расстегивала пуговицы на груди, видимо, оглушенная, с закрытыми глазами мотала головой. Аккуратной белой шапки ее не было, волосы, забитые снегом, рассыпались по плечам, по лицу, и она ловила их зубами, прикусывала, точно преодолевая боль, и зубы эмалево белели. Ему показалось, она ранена в грудь.

— Зоя! — повторил он беззвучным шепотом и сделал попытку подняться, оторвать налитое чугуном тело от снарядного ящика, от железных головок бронебойных гранат, давивших ему в грудь, и не мог это сделать сразу.

Движением головы она откинула волосы, губы зашевелились; снизу вверх она посмотрела на него с преодолением страдания и боли, потом медленно отвернулась; ее слова будто вязли в прядях волос, опять закрывших ее губы.

Сквозь текучий звон в ушах он не разобрал ее слов — не слышал ее голоса, только заметил: взгляд ее был направлен на слабо скребущую ногтями землю руку Касымова, вытянутую из-за колеса орудия. И он увидел темный бугор неподвижного тела, ткнувшегося головой в край бруствера. Касымов уже не стонал. Он лежал лицом вниз. Ватник его был посечен осколками, кучки выброшенной разрывом земли, грязного снега чернели на его спине, валенки подвернуты носками внутрь. Жила еще одна рука... И Кузнецов видел эти скребущие пальцы. Глотая солоноватую влагу, заполнявшую рот, Кузнецов хотел крикнуть ей то, что понял сейчас: снаряд разорвался на бруствере, их обоих контузило, оглушило, а Касымов умирает, и надо отнести его в ровик позади орудия, немедленно отнести, скорее отнести... Он не понимал, почему им нужно скорее это сделать и почему Зоя медлит, когда нельзя медлить ни секунды, потому что их только двое осталось здесь...

— Зоя! — опять слабым криком позвал он, и, сплюнув кровь, отдышавшись, уперся в ящик, и с обморочной невесомостью в теле сполз к ней под бруствер, упал на колени, взял ее двумя руками за плечи, затряс с отчаянием и бессилием. — Зоя! Ты не ранена! Зоя, слышишь? Отнесем Касымова! Ты ранена! Ранена?.. Нам стрелять!.. Стрелять! Зоя...

Ее плечи сопротивлялись под его руками, сопротивлялись огромно раскрытые, как от боли глаза, прикушенные губы, закрытые прядями волос; она отрицательно качала головой, и он вдруг отпустил ее, испугавшись ее движения. Она обратной стороной рукавицы медленно вытерла кровь с его подбородка, он увидел эту кровь на ее рукавице.

— Меня оглушило, ударило о ящик! — крикнул он ей в лицо. — Слышишь?

Он отшатнулся, с трудом встал, покачиваясь от мутного головокружения, и шагнул к орудию. Он будто впервые был поражен видом собственной крови на ее рукавице. Эта кровь казалась ему чужой, когда он выплевывал ее, лежа на ящике. «Нет, я не ранен, не ранен!..»

— Лейтенант...

Он остановился перед орудием, готовый в эту минуту броситься к ящику со снарядами, к прицелу, и увидел внезапно Зою возле бруствера. И мгновенно как бы очнулся. По-прежнему без шапки, бледная, стоя на коленях, Зоя пыталась поднять, оттянуть от бруствера тяжелое тело Касымова, рассыпавшиеся волосы скользили по лицу, голова запрокинута, и напряженное горло дергалось, как будто в нем бились проглатываемые рыдания.

— Я помогу, Зоя, помогу! — крикнул он.

Потом они оба оттащили Касымова в нишу для снарядов, и Зоя, все стоя на коленях, наклонясь, торопливо ощупывала руками его грудь, грязные, старые повязки на его животе, набухшие бурой влагой, разорванные оскол- [illegible]

И, наконец, выпрямилась, опустив руки, глядя в лицо Касымова все понявшими глазами. И Кузнецов понял: Касымов был убит осколками в грудь, видимо, в тот момент, когда он еще пытался подняться к прицелу, когда снаряд разорвался на бруствере. Но Кузнецов этого тогда не видел. Зоя вытерла тампоном кровь с его щеки.

Сейчас под головой Касымова лежал снарядный ящик, и юношеское, безусое лицо его, недавно живое, смуглое, ставшее мертвенно-белым, истонченным чужой, отвратительной красотой смерти, удивленно смотрело влажно-вишневыми полуоткрытыми глазами на свою грудь, на разорванную в клочья, иссеченную телогрейку, точно и после смерти не понимал, как же это убило его и почему он так и не мог встать к прицелу. В этом невидящем прищуре Касымова было удивленное, чужое любопытство как бы не к прожитой своей жизни на этой земле и в то же время спокойная тайна смерти и непроницаемое равнодушие к тем, кто еще жил. Удар смерти будто обманул, отрезал все, что было живым и исполнительным Касымовым, от этого непонятного и страшного мира покоя, в который его опрокинула раскаленная боль осколков, ударившая ему в грудь в тот самый момент, когда он хотел жить, пытаясь подняться к прицелу. И на Кузнецова дохнуло ледяным запахом смерти так ощутимо, так явственно, что он сквозь стиснутые зубы не то глухо всхлипнул, не то засмеялся неестественным смехом:

— Не-ет!..

Он испытывал какое-то необъяснимое чувство неподчиненности самому себе. И мысль о том, что его может сейчас убить, ранить и он потерял бы способность двигаться, а только лежал бы в бессилии, вызывала в нем ненависть и отвращение к этому возможному бессилию. И вид двух горящих танков перед бруствером, перекрещенный хаос трасс, косяки огня по всей степи, красное кипящее месиво дыма за ними, в котором возникали и пропадали скорпионно-желтые бока танков перед балкой, горячие толчки накаленного воздуха, которые он чувствовал лицом, приглушенный гром боя в оглохших ушах — все разжимало в нем не подчиненную разуму неистовую одержимость разрушения, какую-то злую, нетер-

ПОСЛЕДНЕЕ

пеливую мстительность, похожую на бред, незнакомую ему раньше.

«Стрелять, стрелять, только стрелять! Я могу стрелять! В этот дым, по танкам. В эти кресты. В эту степь. Только бы орудие было цело, только бы прицел...» — кружилось в его голове, когда он шагнул к орудию. Он осмотрел, он ощупал панораму руками, как слепой, и то, что она была цела, даже не задета осколками, заставило его заторопиться, его пальцы даже задрожали от нетерпения.

Он скомандовал беззвучно, не слыша самого себя: «Зоя, к орудию!» — и так поспешно, так жадно припал к прицелу и так впился пальцами в маховики поворотного и подъемного механизма, что, казалось самому, слился с поползшим в хаос дыма стволом орудия, которое как бы по-живому послушно было ему и по-живому послушно и родственно понимало [redacted]

— Заряжай!..

«Я с ума схожу»,— подумал Кузнецов, ощутив вдруг эту свою ненависть к смерти, эту слитость с орудием, эту лихорадку бешенства, похожую на вызов, и только краем сознания понимал, что он делает.

Его глаза с нетерпением ловили в перекрестии черные разводы дыма, рваные всплески огня, желтые бока танков, железными стадами ползущих вправо и влево перед балкой, его вздрагивающие от поспешности руки бросали снаряды в дымящееся горло казенника, пальцы нервной, спешащей ощупью надавливали на спуск. Резиновый, весь влажный от его пота, наглазник панорамы бил в надбровье, и он, торопясь, не успевал поймать каждую свою бронебойную трассу, вонзавшуюся в дым, в скопище огненных смерчей и танков, не мог точно уловить попадения. Но он уже не в силах был подумать, рассчитать, остановиться и, стреляя, уверял себя, что хоть один бронебойный найдет цель. И в то же время он готов был засмеяться, как от счастья, когда, бросаясь к казеннику и заряжая, видел ящики со снарядами, радуясь тому, что их хватит ему надолго.

— Сволочи! Сволочи! — кричал он сквозь грохот орудия.

В какой-то промежуток между выстрелами, вскочив от панорамы, он в упор наткнулся на останавливающие его, ищущие его взгляд глаза Зои, широкие, изумленные на будто подсеченном лице. И он даже в первую секунду не понял, зачем она здесь, зачем она тут с ним. И вдруг на мгновение словно увидел себя ее глазами — потного, грязного, черного от гари, кричащего что-то в неистовой ненависти, которую никогда так счастливо, так остро не испытывал от этого беспамятства уничтожения всего того, что живуче, упорно двигалось, ползло, стреляло в дыму. И, испугавшись этой злой неистовости в себе, которая могла ей показаться отвратительной, он крикнул чужим, охрипшим голосом:

— Ты что? Уходи в землянку! Слышишь? К раненым иди! Приказываю!..— И он выругался внезапно, как не ругался никогда в ее присутствии.— Уходи, я говорю!

— Я помогу, лейтенант... Я уже заряжала... Я хочу, лейтенант.

— Я говорю, уходи к раненым! Убьют — перед Дроздовским отвечать!..

Она точно не расслышала его грубого ругательства, лишь пристально смотрела так, будто не знала его никогда или не узнавала его, всегда сдержанного, городского лейтенанта, а обе руки ее держали снаряд, прижав к груди. Внезапно ее губы усмехнулись, и тотчас на лице возникло то выражение вызова, которое всегда было неприятно ему, и она странно и насильно засмеялась, откинув голову, показывая круглое белое горло, напрягшееся от этого смеха:

— Неумело ругаешься, лейтенант! А сам ведь, наверно, ни одной женщины в жизни не целовал! Жаль, я тебя не научила!

— Уходи к раненым! Уходи! — крикнул Кузнецов.

— А я ведь тебе нравлюсь, лейтенант! — Она по-прежнему усмехалась той неприятной усмешкой вызова.— И ты мне немного. Теперь ты меня не прогонишь, правда? Что ты смотришь? Я не уйду к раненым! Я тебе нужна.

«Уходи! Ненавижу твою усмешку, твою игру! Ненавижу твою ложь! Для чего тебе это?» — хотел крикнуть Кузнецов в непреоборимом желании грубо ругаться, унижать ее, делать ей больно только для того, чтобы она не лгала, не усмехалась сейчас этой всеопытной ненужной усмешкой. А она смотрела на него удивленно.

ОРУДИЕ

Юрий БОНДАРЕВ

Отрывок из романа

Рисунок П. Пинкисевича.

Она как будто охлаждала его. Ее присутствие, ее лицо, ее голос точно отбирали у него часть злобы, часть ненависти, такой необходимой, вдруг понятой им, нужной ему, чтобы чувствовать свою разрушительную силу, которую он никогда в жизни так не ощущал.

— В ровик!.. Слышишь ты? — крикнул Кузнецов.— Я не хочу видеть, как тебя убьют!

«Нет, я схожу с ума! Зачем я это говорю?»

Он бросился к панораме. И опять в этом чудовищно приближенном к глазу калейдоскопе ринулись в перекрестие прицела сгущенные дымы, жарко пылающие костры машин, тупые покатые лбы танков в разодранных разрывами прорехах...

И в то время, когда он нажал ручной спуск, посылая снаряд в это черно-багровое движение, слепящие оглушающие молнии черноты, сверкнув, встали перед орудием. Блеск молний сплошь загородил небо, поле боя, ударил навстречу вместе с железным визгом и бьющим жаром близко сгоревшего тола. Кузнецова отбросило, прижало к земле. Комья земли били его по спине. В тот же момент, когда он упал на землю, в голове мелькнуло, что орудие засекли, что рядом бьет из-за балки беглым огнем самоходка. И тотчас другая мысль, как вспышка в мозгу, и его крик:

— Зоя!

«Зачем я сказал, что ее убьют!.. А если ее сейчас...»

И ему показалось: его крик пронзило осколками разорвавшихся молний.

— Зоя! В ровик! В ровик!..

Он вскочил, чтобы увидеть ее, где она, и сейчас же снова упал возле станин. Его толкнуло что-то в грудь. Зоя упала около него, на бок, цепко, двумя руками схватила за борта шинели, часто дыша в потное его лицо, прижимаясь к нему, так тесно и плотно, что он почувствовал боль в груди. И он увидел ее ослепленно прижмуренные глаза, мелко вздрагивающие веки, черные от пороха. Ее ищущее защиты тело замерло, вжавшись в его тело. Она быстро говорила что-то ему прямо в губы, а ее голос просочился к нему сквозь разрывы, встающие один за одним на бруствере:

— Только бы не в живот, не в грудь... Я не боюсь!.. Пусть, пусть!.. Если бы сразу... Только бы не в живот!..

Он, обнимая ее, едва различал, что говорит она, губами почти касаясь его губ, едва улавливал ее отрывистый, как бы молящий шепот, заглушаемый железными жерновами грохота. При каждом разрыве ее сильное тело вдавливалось еще плотнее в его тело, влажные длинные брови вздрагивали, зажмуренные глаза скрывали то, что он хотел и не мог увидеть. И он вдруг, стиснув зубы, обнял ее с сознанием отчаянной последней защиты перед равной судьбой, мгновенно соединившей их, простившей все, с силой помощи, как взрослый к ребенку, притиснул ее голову к своей потной шее... И так, обняв ее, ждал крайней секунды, чувствуя, как обвалы земли сметаемых брустверов обрушивались на них.

«Если мы останемся в живых,— скользнуло в его голове,— что потом?..»

Взрывной волной ее волосы кидало ему на лицо, их обоих душило запахом горячей пороховой гари, но он ощущал ее грудь, ее поджатые круглые колени, ее холодные губы на шее и с ужасом ожидал, когда вдруг обмякнет в его руках ее тело от удара осколка в ее спину.

«Сюда, к колесу орудия, прижать ее спиной к колесу, оно защитит ее от осколка, если...»

Он подумал это и хотел пошевелиться, придвинуть ее к колесу орудия, но в ту секунду услышал в ушах тугой звон, плывущий словно среди смешанного грохота, кипящая чернота дыма уходила за бруствер, оседала на огневой.

И хотя накаленный воздух, земля с гулом колыхались, сотрясаемые боем, вдруг звенящая и острая щелочка тишины, как свежий воздух, прорезала огневую, вошла в эту сжатую тесноту между их телами. Это была не тишина, а облегчение. Он понял: немецкая самоходка перенесла огонь. Зоя откинула голову, открыла глаза, широкие, пронзительно-серые, очерченные гарью, брови поднялись напряженно, близко блестел иней на расстегнутом воротнике ее полушубка.

Потом она медленно, молча высвободилась из его рук, села, прислонясь спиной к колесу. И так же медленно, как в полусне, одергивая полушубок на своих коленях, темных от пятен глины, тыльной стороной грязных пальцев откинула назад волосы, которые только что бросало взрывами ему на лицо.

Он молчал. Она все вспоминающе глядела на него, будто искала в его лице что-то, потом отклонилась к колесу.

— Я не боюсь умереть, лейтенант,— проговорила она между мелким вдохом и выдохом, глядя поверх его головы,— я хотела тебя попросить...— Она усмехнулась.— Спасибо, что ты не полез целоваться. Я поняла: ты все-таки и нетрусливый парень. И я хотела тебя попросить. Чтобы ты запомнил. Ты сможешь это сделать?

— О чем попросить? Что я смогу сделать?

— Послушай... Это очень серьезно. Если меня ранят в грудь или в живот, вот сюда, в живот,— Она показала рукой на офицерский ремень, так стягивающий ее узенькую талию, что Кузнецову показалось, ее можно было измерить двумя ладонями,— то я прошу тебя, если сама не смогу... вот здесь, в сумке, немецкий «вальтер». Никто не должен мне делать перевязку...

Она расстегнула сумку, и Кузнецов увидел в ее руке маленький никелированный, как игрушка, «вальтер».

— Ерунда,— коротко выдохнул он, еще минуту назад ясно представляя, как осколок мог ударить ее в спину, убить, и не совсем понимая, зачем она сейчас так откровенно говорит ему о том невозможном, страшном, что могло случиться. Ее пугала рана в грудь или в живот; она боялась слабости, унижения, стыда перед смертью, боялась, что на нее будут смотреть, трогать руками обнаженное тело, накладывать бинты мужские руки.

— Только бы не это...— сказала Зоя, отрицательно покачав головой, словно представив себе то, о чем невольно подумал и он.— И еще не хочу попасть в плен. Этот «вальтер» у меня давно. С харьковского окружения. Я его берегу. Когда вырывались, подарил комиссар полка.

— Ясно,— проговорил Кузнецов и резко отодвинулся от нее.— Комиссар, не комиссар. Но я не похоронная команда. На черта мне твой «вальтер»! Почему об этом не попросила Дроздовского? — крикнул он.— Зачем ты со мной здесь? Да, ты женщина, женщина! Иди к раненым! В землянку, туда! Бой еще не кончился, ясно тебе!

— А я поверила тебе! — захлебнувшимся презрительным смехом засмеялась Зоя.— Ошиблась!..

— Да, да, ошиблась! — крикнул он жестоко.— Дроздовский сможет, а не я! Он сможет!

И тотчас щелочка минутной тишины взорвалась танковыми выстрелами. Кузнецов подполз на коленях к прицелу. Слепяще толкнулся в зрачок огонь пожаров, трассы летели в дыму, казалось, в самое перекрестие прицела. И вдруг Зоя, ее волосы на щеке, ее «вальтер», ее как бы поперхнувшийся смех — все мгновенно вытеснило из его головы. Разрывы встали перед орудием.

И все опять стало предельно реальным, жестоким, смертельным без доброты, без надежды на доброту, без сомнений.

«Самоходка,— думал он, хватаясь за маховики,— стоит где-то рядом...»

Он только верил в эти секунды в точность перекрестия, нащупывающего бока танков, в свою разрушительную ненависть, которую снова испытывал, прильнув к орудию.

«Нащупать бы эту самоходку... Стреляла где-то рядом... Как будто из-за горящих танков. Где же она?»

Но, вращая маховики, он почувствовал тупое сопротивление механизма, какое-то несоответствие между прицелом и стволом орудия — и с трудом, не понимая, оторвался от наглазника прицела. Ствол орудия всей массой медленно сползал назад. Темная жидкость пульсирующей струей брызгала на исковерканный щит из накатного устройства. Он понял: осколок пробил накатник.

— Черт возьми!..— И Кузнецов, готовый заплакать, в бессилии ударил кулаком по сползавшему казеннику и еще раз ненужно приник к панораме. Он не знал, что делать, и все-таки инстинктивно искал в прицеле самоходку.

Два танка горели перед самым орудием, спаренный бойкий огонь над башнями лизал, казалось, нити перекрестия, ожигал зрачок, а справа на самом краю балки вываливал сгущенный дым из третьего танка. И оттуда, из-за этого жирного дыма, торопливо выскакивало треугольное пламя выстрелов. Трассы летели влево по фронту батареи — туда, где стояли орудия Чубарикова и Уханова. Прикрываясь дымившимся танком, эта самоходка била сбоку по орудиям с расстояния ста пятидесяти метров, хорошо видя из-за укрытия цели. А там, слева на подступах к переправе, в эту минуту, видимо, была сконцентрирована танковая атака. Танки подымались из балки, быстро шли, ныряя в дыму, мимо неохотно горевших, как мокрые стога, машин, и все батареи слева, и пехота, и орудия Чубарикова и Уханова вели одновременный огонь — короткие сполохи бронебойных снарядов, разрывы, фиолетовые вспышки ПТР, огненные струи игравших с того берега «катюш» слились, скрестились перед переправой, смешались там.

А самоходка в укрытии за танком, засекая цели, спокойно и методично била сбоку, во фланг батареи, и Кузнецов видел это.

— Лейтенант! Смотри!..— услышал он крик Зои.— Что ты стоишь! Он их раздавит!.. Лейтенант, лейтенант!..

Но Кузнецов ничего не мог сделать, он был бессилен.

Самоходка била беглым огнем по орудию Чубарикова. Орудие уже не стреляло, исчезло в аспидно-темной взлетающей мгле. А на эту мглу надвигался, шел, скоростью сбрасывая со своей брони низкие языки огня, горящий танк. Он был зажжен бронебойным снарядом Чубарикова до того момента, пока самоходка точно не засекла его позицию. И сейчас возле орудия, будто забором, окруженного разрывами, никто не видел этот танк. А он, все увеличивая скорость, все сильнее охватываемый косо мотающимся по броне пламенем, тараном вонзился, вошел в эту тьму, сомкнувшую орудие. С неистовым ревом мотора танк зашевелился в ней, с железным скрежетом поворачиваясь вправо и влево, как будто уминая, уравнивая что-то своей многотонной тяжестью. Потом взрыв сдвинул воздух. Черный гриб дыма вместе с огнем вырвался из его башни, и танк, горя, замер, косо встав одной гусеницей на раздавленном орудии.

А сбоку вонзились в этот костер одна за другой трассы, раскаленно мелькая вдоль фронта батареи. И в то мгновение Кузнецов не сразу понял, что запоздало открыло огонь по танку орудие Уханова, стоявшее крайним. Но Кузнецов был потрясен, подавлен этим бешеным тараном горящего танка. И особенно отчетливо возникла в сознании мысль, что немцы атакуют насмерть; во что бы то ни стало, пытаясь прорваться к берегу, к мосту, что расчет Чубарикова, видимо, погиб, раздавленный,— ни один человек не отбежал от огневой — и что там, слева перед мостом, осталось одно орудие из батареи — орудие Уханова.

Но почему никто не отбежал? Может быть, оглохший Евстигнеев не слышал команды? Может быть, они на несколько секунд легли под щитом, застигнутые огнем самоходки, бившей сбоку в упор? Неужели там все погибли — Чубариков, Евстигнеев?.. Связист Святов? Все? А он, Кузнецов, ничего не мог сделать, видя стоявшую за танками самоходку...

В ту же минуту Кузнецов увидел, как Зоя, прикусив вспухшие губы, рывком откинула санитарную сумку на бедро и, мотнув волосами, кинулась к недорытому ходу сообщения, соединявшего с орудием Чубарикова.

— Зоя! — крикнул он хрипло.— Куда?..

— Может быть, кто еще жив!..— различил он ее незнакомый голос, не удивляясь тому, что подумали об этом одновременно,— не может быть, чтоб все... кто-нибудь жe!..

Пулеметные трассы скользнули над ее головой, и он прохрипел:

— Только не ходом сообщения, только по берегу! Пригнись! Я сейчас... туда!..

И он в отчаянии, ударив кулаком по мертвому орудию, стиснул зубы, выбежал из огневой позиции, оглядываясь на горящие по краю балки танки, где стояла самоходка, против которой он был бессилен.

Дирижирует Борис Александров.

Вано МУРАДЕЛИ

МУЗА В БОЕВОМ СТРОЮ

«...Нет ничего труднее, чем писать о совершенстве. Отзыв теряет характер критики и превращается в гимн любви»,

С отзыва французской газеты «Орор» я начал свой разговор о Краснознаменном ансамбле песни и пляски не случайно: ведь гимн писать мне, композитору, привычнее, чем рецензию!

Итак, стало быть, и я повторяю эти слова: гимн любви,— но с чего его начать?

Пожалуй, начну с того, как возникла любовь.

Мы встретились с Александром [redacted] Александровым впервые в стенах Московской консерватории. Мне посчастливилось заниматься у него композицией. И до сих пор я вспоминаю Александрова, одного из любимых своих наставников, с теплым, благодарным чувством. Он был очень добрым человеком. И очень большим композитором, дирижером и педагогом. Поэтому многие его ученики, впоследствии став известными музыкантами, всегда оставались верными друзьями своего учителя, заразившего их своей неистовой творческой одержимостью, влюбленностью в русскую народную песню и хоровое искусство. На репетициях ансамбля мы бывали постоянно и, конечно, не могли не стать горячими его поклонниками.

И все же подлинная любовь пришла ко мне позднее — когда нас с ансамблем объединило творчество.

Произошло это в суровые годы войны, тогда вся страна начинала нелегкий свой день песней Александрова «Священная война». Хор звал бойцов на подвиг, скорбел о павших... И словно вопрошал каждого: «А что ты сделал для победы?!»

— Не могу понять, в чем секрет этой песни! говорил Александр Борисович Гольденвейзер.— Все очень просто. Но всякий раз, когда я слышу ее, у меня закипают слезы...

Проверьте себя, у вас тоже, наверное, даже и сейчас подступают слезы при звуках неповторимой мелодии, вобравшей в себя суть своего времени.

Именно в ту пору и началось мое содружество со знаменитым армейским александровским ансамблем. Можно себе представить, как это волновало меня.

В те дни краснознаменцы почти все время выступали на фронте, на передовой. Пели и танцевали перед солдатами, которые сразу после концерта шли в бой. Таким образом, можно без всякой натяжки сказать, что Ансамбль Красной Армии не только нес большое искусство, но и сам сражался за победу. Так было всегда. Даже во время первого фронтового концерта. Его давал ансамбль давно, тревожной осенью 1929 года, на Дальнем Востоке. А когда снова загремели пушки и застрочили пулеметы в 1938 году, у дальневосточного озера Хасан, краснознаменцы, верные своему чувству кровной связи с Красной Армией, понесли и туда свои вдохновенные песни и пляски. Так муза ансамбля шагала в боевом строю!.. Шагала под аккомпанемент пушечного грома, под пулеметную дробь... А [redacted] войны, коллектив, верный своим традиц[redacted], снова стал выступать в городах страны и за ее пределами.

Триумфально гастролировал ансамбль в зарубежных странах; в 1937 году Международная выставка техники и искусства в Париже присудила армейским артистам высшую премию — Гран при.

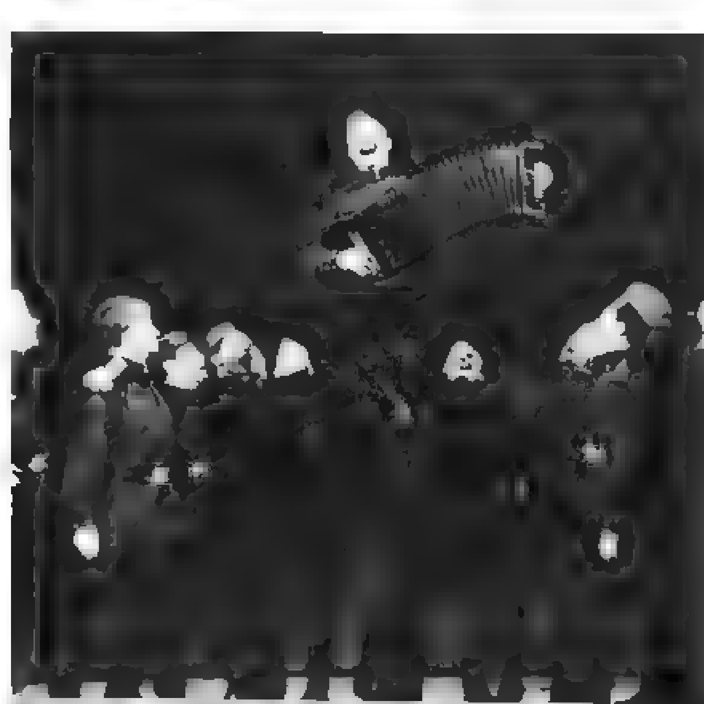
«Бегите скорее во Дворец спорта,— писала французская «Либерасьон»,— чтобы пережить там незабываемое опьянение!» А английская газета «Ивнинг Аргус» с традиционным английским юмором замечала: «Если концерт Ансамбля Красной Армии не заставил вас аплодировать, улыбаться, топать ногами, прищелкивать пальцами,— честное слово, вы годитесь только на то, чтоб вас уложили в гроб и отнесли на ближайшее кладбище!»

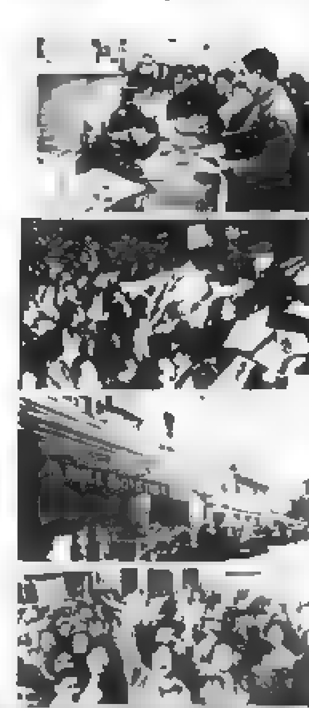
Недавно Краснознаменный ансамбль вернулся из Парижа. Это была четвертая поездка ансамбля во Францию. И вот новые отзывы прессы. Газета «Монд» с улыбкой пишет, что концерт из года в год остается «на непростительно высоком уровне. Каждый номер программы вызывает дружные, умоляющие аплодисменты, просящие повторения. И советские солдаты отвечают на это с необыкновенно доброй волей, удлиняя тем самым свое пребывание на сцене».

Сейчас Краснознаменный ансамбль исполняет ораторию нынешнего руководителя ансамбля Бориса Александрова «Солдат Октября защищает мир». Монументальное произведение это — своеобразный итог творческого пути ансамбля, венец советской кантатно-ораториальной, военно-патриотической музыки.

Послушайте ее в исполнении Краснознаменного ансамбля. И навеки отдайте свою любовь этому удивительному коллективу.

Впрочем, вы, может быть, это уже сделали?..





БОЕВОМУ ДРУГУ, ОДНОПОЛЧАНИНУ

У жителей Шуи большой популярностью пользуется городская физиолечебница. Больных здесь лечат не только целебными процедурами, но и вниманием, заботой, ласковым словом. А чья тут заслуга? В основном главного врача лечебницы Антонины Николаевны Введенской. Больные часто рассказывают ей о своих житейских делах, ценят доброту и отзывчивость Антонины Николаевны. Но далеко не каждый из них знает о ее жизни, о ее славном прошлом.

Василий Иванович Чуйков (второй слева во втором ряду) со своими однополчанами. В третьем ряду А. Н. Введенская. Фото 1921 года.

На рассказы о себе А. Н. Введенская скупа, а рассказать она могла бы многое.

В 1919 году молодой врач Введенская ушла добровольцем на Восточный фронт — защищать завоевания Октября. Она лечила раненых, боролась с эпидемией сыпного тифа. Война бросала молодого врача по многим фронтам. На Западном фронте Антонина Николаевна попала в полк под командованием будущего Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. В бою под Лепелем, в Белоруссии, командир полка был ранен. А. Н. Введенская оказала ему первую помощь. Так началась их воинская дружба. С тех давних пор и хранит Антонина Николаевна фотографию, на которой она снята в кругу фронтовых товарищей.

Большой жизненный путь прошла А. Н. Введенская. Еще дважды пришлось ей надевать солдатскую шинель: она воевала против белофиннов и участвовала в сражениях Великой Отечественной войны, работая в госпиталях Второго Украинского фронта.

Не так давно Антонина Николаевна послала письмо своему бывшему командиру и получила от Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова такой ответ:

«Примите большую благодарность за Ваше письмо и фотокарточку. Они напомнили мне о славном прошлом, боях и походах, ранах и контузиях, трудных буднях фронтовой жизни.

Я помню Ваше лицо и руки, когда Вы накладывали повязку на мое раздробленное плечо. Вашей весточке я был рад и потому, что старая гвардия гражданской и Великой Отечественной войн живет, трудится, подает пример для молодежи».

Старая фронтовая дружба никогда не забывается...

Д. ЩЕРБОВИЧ

Где вы, конармейцы?

Осенью 1920 года было решено перебросить Первую конную армию на Южный фронт, в Крым. В разгар подготовки армии к длительному маршу в Москве состоялся III съезд комсомола, на котором В. И. Ленин выступил со знаменитой речью «Задачи союзов молодежи». Как ни трудно было тогда буденновцам, но они решили в ту пору послать в Москву на учебу комсомольцев Первой конной, которым не исполнилось восемнадцати лет. Но дело это оказалось не таким уж простым. Один из молодых буденновцев, Миша Трощенко, пришел к редактору газеты «Красный кавалерист» В. П. Здановичу и заявил:

— Я сейчас не поеду учиться. И другие ребята тоже. Нам надо довоевать. Скажите, где товарищ Буденный? Я знаю, он разрешит нам вернуться в армию. После победы готовы ехать хоть куда!

Редактор ответил:

— Понимаешь, сам Ленин сказал, что вам надо учиться. Ребята, такие, как ты, повоевали хорошо. На них, говорил Владимир Ильич, наша надежда в строительстве коммунизма. А без науки его не построишь. Вот Буденный с Ворошиловым и отправляют вас на учебу. Понял?

— Понял! — Миша крепко пожал редактору руку и вышел из [illegible]

Вернувшись к ребятам, он стал их убеждать:

— Сам Ленин говорит, что нам следует учиться. О чем тут еще толковать! Ехать надо. Без науки до коммунизма не дойдешь...

Тепло провожали буденновцы юных конармейцев. Им вручили подарки Буденного и Ворошилова. Перед отъездом группа комсомольцев прислала в редакцию «Красного кавалериста» письмо:

«Мы, юные бойцы 4 кав. дивизии 1-й Конной Красной армии, не достигшие 18 лет, сражались на фронте. Теперь уезжаем учиться. Отправляясь к московским рабочим, мы докажем, что красные юные буденновцы способны не только воевать на конях, но и учиться, работать и строить новую жизнь. Мы обещаем быть [illegible]ми и надеемся, что из нас выйдут честные борцы за свободу. М. Алемский, А. Светличка, И. Лященко, А. Мироненко, П. Демченко, С. Полевой, Вернигора, И. Калинин, Я. Муляр, М. Шгиневский, И. Павлюк, Т. Сидоренко, П. Твердохлебов, В. Пивень, Ф. Нижелевский, Беленький, М. Трощенко, Н. Кубрак, Н. Беляев, Ф. Тхоренко, В. Ильченко, Г. Колесник, Г. Пономарев, П. Семенов».

Несомненно, что юные герои-буденновцы сдержали свое слово. Но как сложилась их судьба после гражданской войны, неизвестно. Где вы, конармейцы? Отзовитесь!

А. СЕМЕНОВ,
полковник в отставке

Этот снимок был опубликован в журнале «Огонек» в декабре 1942 года: катер Краснознаменного Балтийского флота — морской охотник под

ГЛЯДЯ НА СТАРУЮ

Грозная Балтика сурового сорок второго года. В дальнем дозоре охраняли тогда подступы к осажденному Ленинграду морские охотники.

...Ведущий «юнкерс» нацелился на катер «МО-302». Трижды рявкнули выстрелы «сорокапятки». Первый и второй снаряды прошли перед самолетом. Третий попал в бомбу, уже отделившуюся от «юнкерса». Бомбардировщик превратился в огромный шар черного дыма...

В декабре 1942 года «Огонек» опубликовал фотографию, запечатлевшую один из таких боевых эпизодов. Я разыскал командира прославленного катера капитана первого ранга Игоря Петровича Чернышева. Сейчас он живет в Москве. Он военный журналист, автор двух книг: «На морском охотнике» и «Коэффициент надежности». В молодости Чернышев был извес[illegible] боксером. В пору войны — один из первых морских офицеров, удостоенных ордена Александра Невского. Это награда за руководство боем двух катеров-охотников против тринадцати вражеских катеров. По техническим данным охотники могли находиться в море лишь двое суток при волнении до трех баллов. А им приходилось тогда отрываться от берега и на двадцать суток и зачастую в семибалльный шторм.

В «Огоньке» в пору войны была напечатана заметка заслуженного мастера спорта СССР П. Ипполитова, рассказывавшего о событиях 1941 года, когда наши войска оставляли окруженный Таллин. Команду с корабля, подорвавшегося на мине, сняли, и его решили затопить, чтобы он не достался врагу. Это задание взялся выполнить Чернышев. Он вошел в радиорубку поврежденного корабля и неожиданно увидел там двух фашистских корректировщиков артиллерии. Когда Игорь появился в дверях, на него бросился с ножом гитлеровец.

Советский офицер ловко увернулся и встретил врага увесистым боксерским ударом. Фашист упал. Короткий, точный удар в челюсть, и прогремевший затем выстрел успокоил навсегда и другого фашиста...

Вместе с Игорем Петровичем мы рассматриваем фотографию, помещенную в годы войны на страницах «Огонька». Чернышев вспоминает:

— Какие были ребята у нас на катере! Вот, видишь, тот, что стоит с биноклем? Это сигнальщик Николай Иванович Слепов. На нашем катере он уходил послед-

командой лейтенанта И. П. Чернышева отражает налет вражеских бомбардировщиков.

Фото А. Кремнева.

ФОТОГРАФИЮ

ним из Таллина в сорок первом, а в сорок четвертом высадился с этого же катера с десантом морских пехотинцев на том же месте, где поклялся в начале войны, что вернется снова сюда.

Слепов закончил войну в Германии и, демобилизовавшись, работал токарем на заводе имени Калинина в Таллине. Его станок стоит рядом с мемориальным станком М. И. Калинина. В 1963 году Николай Иванович был признан лучшим токарем Эстонии. Судьба его сложилась трагически: он погиб в уличной катастрофе. Сейчас на его станке работает дочь Валентина. Рулевой москвич Алексей Смирнов погиб, заслонив собой командира от пулеметной очереди «мессершмитта». Вспоминаю старшину 1-й статьи Александра Фролова, командира отделения комендоров. Это он попал в бомбу фашистского самолета, потопил два вражеских катера. Был награжден орденом Боевого Красного Знамени и английской именной медалью «За боевые услуги». Сейчас он работает в Саратове директором завода силикатного кирпича. Недавно его наградили орденом «Знак Почета». Командир отделения радистов В. Рыбаков, не раз предупреждавший ПВО Кронштадта и Ленинграда о летящих вражеских бомбардировщиках, ныне ударник коммунистического труда, водит электропоезда. Очень хотелось бы разыскать храброго воина Митю Иванова. Дмитрий Григорьевич — москвич. В сорок втором был ранен, но убежал из госпиталя, не желая слышать об уходе с флота по ранению.

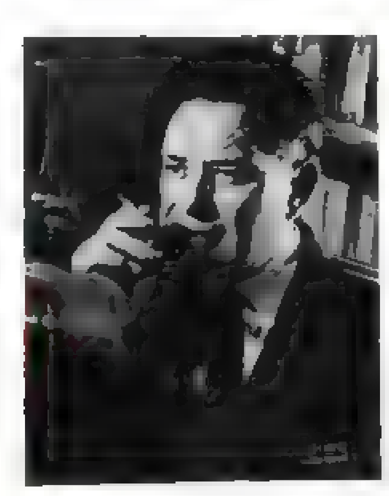
Затерялись следы и Павла Петровича Белого, рулевого, сбившего «мессершмитт». Неизвестна судьба командира отделения мотористов симферопольца Василия Кузьмича Гаврилова. Когда наш катер штурмовали двенадцать «мессеров», пули и осколки пробили коллекторы моторов. Горячая вода хлынула в отсеки. В носовом кубрике возник пожар. Гаврилов в считанные секунды сделал непредусмотренные конструкторами переключения и пустил воду не за борт, а в пожарную систему.

А где сейчас наши боевые друзья гидроакустик И. Клименко, командир отделения рулевых А. Паршин, радист А. Орещенков, краснофлотец Г. Кузьмин?

Может быть, откликнется и семья мичмана Павла Акимовича Белобока, парторга нашего катера, героически погибшего в 1943 году в неравном морском бою?

Б. ВИЛЕНКИН

◀ Члены экипажа морского охотника сфотографировались на память по случаю вручения им высоких наград. Слева направо: знатный комендор Балтики старшина 1-й статьи А. Фролов, старший сигнальщик краснофлотец Н. Слепов, командир отделения радистов старшина 1-й статьи В. Рыбаков. В центре — командир звена морских охотников старший лейтенант И. Чернышев. Июль 1943 года.



Капитан 1-го ранга И. П. Чернышев. Январь 1968 года.

Фото Б. Виленкина.

ЭТО ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО БЫЛО СО МНОЙ

Летом 1914 года мальчишка из украинского села Моисеевка, что под Путивлем, вышел из вагона на шумный перрон в Петрограде. Он впервые увидел большой город. На вокзале его встретили старший брат, Василий, и двоюродные братья, Семен и Сергей. Все они жили у своего дальнего родственника Савелия Кузьмича Тверитинова, большевика, столяра Руссно-Балтийского воздухоплавательного завода. Мальчишку из Моисеевки столяр тоже приютил у себя. И началась трудовая жизнь у Сени Руднева.

А через два года царские жандармы бросили этого хлопчика в тюрьму. Его арестовали на Выборгской стороне во время рабочей демонстрации. При обыске у него нашли большевистские листовки. То было первое испытание на стойкость будущего легендарного комиссара соединения украинских партизан в пору Великой Отечественной войны.

Ему было семнадцать лет, когда грянул гром революции. В марте Семен Руднев стал коммунистом, а через месяц в составе отряда питерских рабочих встречал Ленина на Финляндском вокзале и охранял Владимира Ильича.

Руднев штурмовал Зимний, дрался с казаками Краснова под Пулковом и Гатчиной, стоял часовым у штаба революции Смольного. Потом с первым маршевым эшелоном Красной гвардии Выборгского района отправился на юг страны. Воевал с контрреволюцией в Донбассе, бил петлюровцев под Полтавой, освобождал Киев.

Комиссар С. В. Руднев и его сын Радик в тылу врага. Июнь 1943 года.

Закончилась гражданская война. Но для Семена Руднева еще не пришло время снять шинель. После учебы в Военно-политической академии имени Ленина его послали служить на Дальний Восток, укреплять дальние рубежи Родины.

На фотографии, которую я вам посылаю, комиссар соединения украинских партизан снят со своим сыном. Лучший комментарий к этому снимку — запись, сделанная генералом Рудневым в его дневнике 7 июля 1943 года во время рейда партизанского соединения в Карпаты: «День сегодня для меня знаменателен: Радику, моему сыну, 19 лет исполнилось. Он два года вместе со мной воюет в тылу врага. С семнадцати пошел воевать. Это то же самое, что было со мной в 1917-м...»

Оба они — солдат революции, наш комиссар, и его сын Радик — не вернулись с войны. Они погибли неподалеку от Карпат. Их именами названы школы и улицы. Мы помним о них.

Алексей ПАЛАЖЧЕНКО

Жители югославского селения давно мечтали об этом счастливом дне.

Фотохроника ТАСС

«Моторизованный Чингисхан угрожал Европе...» — так начинает один из европейских исследователей книгу о нашествии Гитлера. В этом сравнении нет преувеличения. Скорее оно недостаточно полное. История еще не знала другой столь тяжелой войны, принесшей народам так много страданий.

Германский фашизм ставил своей целью не только порабощение, но и истребление целых народов. Далеко не достигнув поставленных целей, он убил более 50 миллионов человек. Газовые камеры Майданека, крематории Освенцима, пропитанный кровью аппельплац Маутхаузена, набатный колокол Бухенвальда до сих пор взывают к человеческой совести, требуя отмщения за чудовищные преступления.

Победа Советской Армии над гитлеровской Германией навсегда останется в памяти народов Европы как одно из самых радостных и ярких событий истории. Эта победа решила не только судьбу десятков европейских народов, но и во многом предопределила будущее всего мира. Разгром германского фашизма и освобождение от оккупации народов Европы создали в ряде стран благоприятные условия для свержения власти капиталистов и помещиков. В результате победоносных революционных выступлений освободившихся народов в Европе возникли республики новой народной власти. Ныне они образовали мощный лагерь социалистических государств.

Освободители

Ликует освобожденная София.

Фото О. Кнорринга.

Советские бойцы и воины Первой польской армии после боев за освобождение Польши.

Фото Э. Евзерихина.

Анатолий ЭСКИН

Путь отцов

Ты пройди, товарищ, по Европе —
Будапешт, Варшава, Волгоград...
Сколько их у каменных надгробий,
Молчаливых бронзовых солдат.

Я хочу, чтоб люди услыхали,
И кричу я, в камень сжав кулак:
— Это же отцы навеки стали
Над местами яростных атак!

А они своим молчаньем грозным
Говорят все громче, все слышней:
— Не позвольте переплавить в бронзу
Жизни наших юных сыновей!

Я не шел дорогою суровой,
Но и мне услышать довелось,
Как по мертвым голосили вдовы,
Задыхались матери от слез.

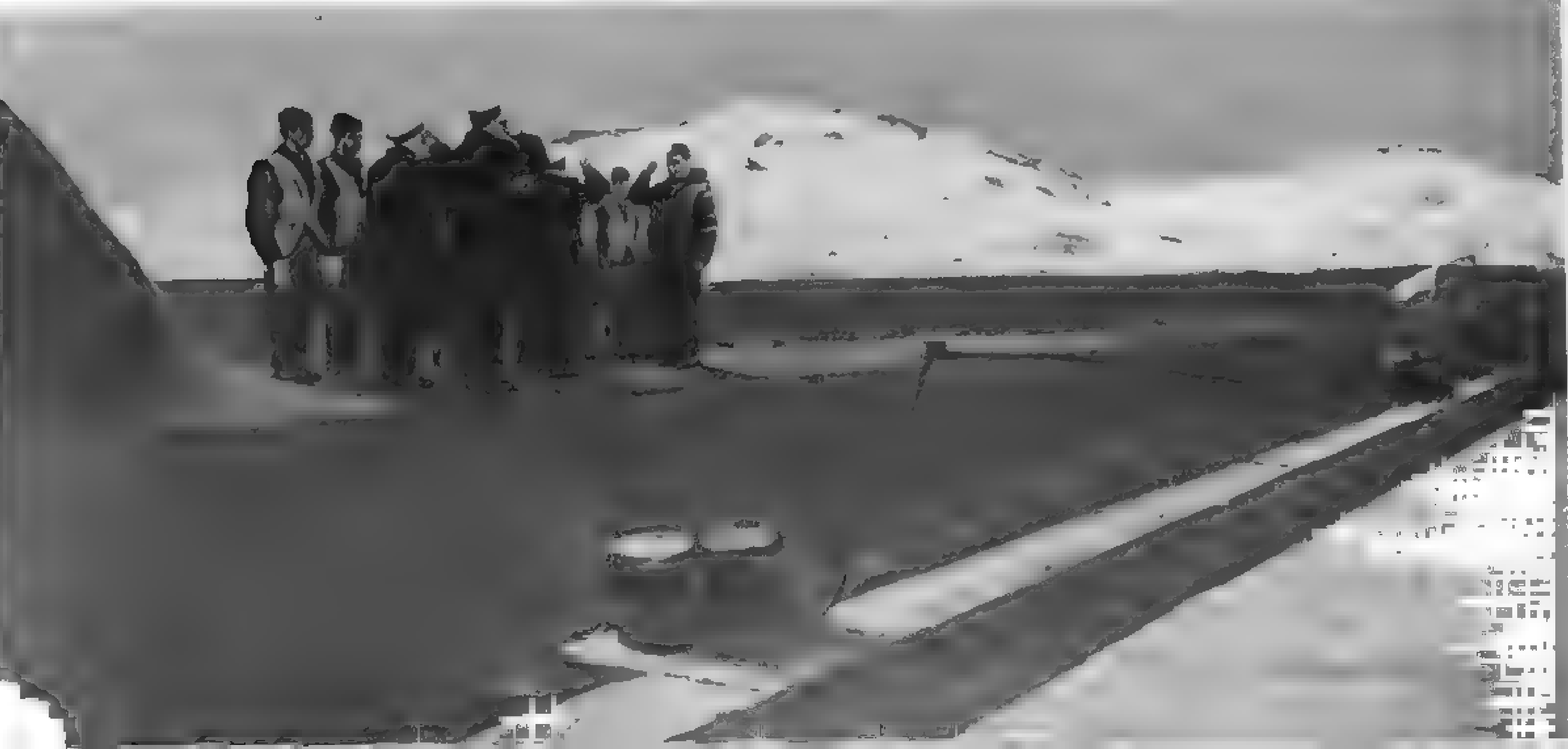
На полях, омытых отчей кровью,
Урожаи мирные взошли.
И, как вечный памятник героям,
Вырастает песня из земли.

Перевел с мордовского-эрзя
Эрлен Киян.

Е. Кованов, А. Орловский. В ОСВОБОЖДЕННОЙ ПРАГЕ. 1957.

В. Пузырьков. ЧЕРНОМОРЦЫ. 1947

Н. Денисов. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО. 1967



НЕИЗГЛАДИМЫЕ ПИСЬМЕНА

Советские части проходят по венскому Рингу мимо здания парламента, спасенного от фашистских поджигателей.

Фото О. Ландер

Ева ПРИСТЕР
австрийская журналистка

На стенах некоторых венских домов и сегодня еще можно видеть поблекшие от времени, но все же отчетливо читаемые русские слова: «Проверено. Мин нет». Кажется удивительным, что за прошедшие без малого двадцать три года эти слова не поддались ни дождю, ни снегу, ни жаркому летнему солнцу, ни ветрам, которые часто дуют в Вене,— ведь недаром ее древнее название Виндобона означает «город ветров». Их не замазали ни угольная пыль, ни бензиновая гарь, которые съедают самые распатентованные синтетические краски. И в Вене есть немало людей, которые радуются тому, что эти русские письмена на стенах такие стойкие. Они неотделимы от нашей жизни. Они напоминают, что произошло в Вене весной 1945 года.

Три русских слова писали солдаты, которые квартал за кварталом, улица за улицей освобождали нас из фашистского плена. И когда высохла краска последней надписи «Проверено. Мин нет», уже не только Вена, но и вся Австрия вздохнула свободно после семилетней оккупации и угнетения. Потому эти надписи на стенах венских домов — многократно повторенная дата возрождения Австрии.

Есть в Вене и другие, совсем древние памятники, которые также являются свидетельством нашего возрождения и благодарности нашим освободителям. К таким относится Собор Святого Стефана — один из самых древних готических храмов Европы, признанный символ красавицы Вены.

Когда Советская Армия подошла с боями к окраинам Вены, разбитые гитлеровские войска проводили свою последнюю операцию, названную «Развалины и пепел». Лучшие произведения архитектуры и искусства — памятники многовековой культуры целого народа — должны были исчезнуть вместе с гитлеровским рейхом. Уцелевшим от уничтожения венцам должны были остаться только развалины, обломки и пепел.

Фашистская артиллерия, занявшая позиции на холмах, расположенных на западной и юго-западной окраинах Вены, начала методически обстреливать зажигательными снарядами Собор Святого Стефана и другие исторические строения австрийской столицы.

Советское командование могло бы подавить огневые точки гитлеровцев средствами своей прославленной артиллерии. Но тогда Вена превратилась бы в гигантскую площадку артиллерийской дуэли. Это привело бы к разрушению одного из самых прекрасных городов Европы, к гибели большой части его населения и уничтожению его культурных памятников. Поэтому советское командование решило не использовать свою могучую артиллерию. Вместо этого был осуществлен обходный маневр, после которого фашисты были атакованы с фланга и с тыла. Орудия умолкли, на площади и улицы Вены перестали падать зажигательные снаряды. Но многие бойцы, молодые граждане Страны Советов, пали в этих атаках смертью героев, погибли в самом конце долгой и тяжелейшей войны, когда уже был виден долгожданный мир и счастливое, славное возвращение в родной дом.

Окраины Вены утопали в бело-розовых цветах яблонь и абрикосовых деревьев. Мальчишки пригородов и селений украшали танки и автомашины освободителей душистыми ветками. Дым последнего дня войны смешался с ароматом свободной весны. И тот, кто в эти дни отдал свою молодую жизнь за свободу нашего народа, принес самую благородную, но и самую тяжкую жертву...

Едва закончился жаркий бой, а советские солдаты уже помогали венцам гасить пламя, охватившее Собор Святого Стефана. Им удалось спасти основу замечательного строения, и через десять лет Стефансдом был восстановлен в своей прежней величественной красоте. В последний момент советские минеры успели удалить взрывчатку, заложенную гитлеровцами в мосты через Дунай. Фашисты хотели надолго отрезать голодавшую Вену от северных и восточных провинций. Укрощая огонь и обезвреживая мины, советские бойцы писали на стенах: «Проверено. Мин нет». Это означало, что для жителей проверенного дома, целого квартала и всего города война окончилась.

Затем... Затем следуют незабываемые картины, ставшие частью нашей истории, которые теперь каждый австрийский школьник видит в своем учебнике: красивая русская регулировщица на Ринге перед разрушенной Венской Оперой; Карл Реннер, провозглашающий независимость Австрии в окружении своего Временного правительства и сияющих от гордости молодых советских офицеров; счастливых венок, танцующих на площади около Ратуши с советскими солдатами первый вальс Свободы. И еще многие-многие другие картины, которых нет в школьных учебниках, но которые навсегда остались в памяти людей, переживших те незабываемые весенние дни сорок пятого.

Освободив Вену и Восточную Австрию, Советская Армия, как буря, вымела не только чужеземных угнетателей, но и тех, кто оказывал им поддержку. Коллаборационисты и пангерманисты, которые десятилетиями убеждали австрийский народ в том, что он «нежизнеспособен» и может существовать лишь в лоне «великой германской нации», бежали на запад вместе с гитлеровцами или попрятались в темные щели. Их судьбу разделили и те, кто призывал австрийцев к войне до победного конца «за западную культуру, против орд с Востока». Последние, правда, вынырнули на поверхность несколько лет спустя, пытаясь прельстить лозунгами холодной войны тех, кто уже не хотел слышать о новых реван[illegible]

Немалую роль в настроении австрийцев сыграли экономические соображения: перед второй мировой войной и во время войны Австрия была колониальной вотчиной германского капитала, ее промышленные предприятия, природные богатства почти без исключения принадлежали иностранцам. Они не только грабили богатства страны, но и искусственно затормаживали экономическое развитие Австрии.

После победы над фашизмом бывшее имущество германских капиталистов в Австрии перешло к Советскому Союзу. Вплоть до заключения Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии эти предприятия находились под управлением советской администрации. Затем Советский Союз передал все эти предприятия и все имущество Австрийской республике на том условии, что они навсегда становятся австрийской собственностью и не могут быть никогда переданы иностранным владельцам. Еще до того австрийское федеральное правительство под влиянием сложившейся обстановки национализировало банки и многие предприятия, не находившиеся под управлением советской администрации. Вместе с предприятиями и имуществом, полученными от Советского Союза по Государственному договору, национализированный сектор Австрии охватывает свыше двух третей промышленных ресурсов и производства средств производства. Он включает также почти все банки. Это такой огромный национализированный сектор, какого нет ни в какой другой капиталистической стране. И это тоже прямое следствие тех событий, которые произошли в Австрии весной 1945 года.

Австрия, которая перед «аншлюсом» 1938 года была на две трети страной аграрной, теперь развивается как государство индустриальное. Австрия — теперь это видит каждый — вполне жизнеспособна и может отлично жить и развиваться самостоятельно, без поглощения ее «великой нацией» или «великим рейхом». И она хочет жить мирной жизнью.

Это высокое национальное самосознание пришло к нам не только через муки войны, хотя освобождение Австрии от фашизма явилось началом этого процесса. Присутствие в течение нескольких лет на территории Австрии Советской Армии сделало невозможным обратное развитие, какое произошло в Западной Германии. Не было возможности ни для пропаганды реванша, ни для спекуляции с различными агрессивными блоками. Поэтому, когда опасный период был позади и пришло время для подписания Государственного договора, подавляющее большинство австрийского народа было уже убеждено в том, что его существование гарантирует только политика мира и сосуществования. Сегодня в Австрии имеются самые различные мнения по многим вопросам, но что касается необходимости соблюдения Австрией постоянного нейтралитета, то тут вся нация едина.

А началось все это тогда, когда молодой русский парнишка в гимнастерке писал на стене венского дома три слова: «Проверено. Мин нет». Многие из нас, венцев, помнят их, советских солдат, такими же молодыми и теперь. А они за прошедшие годы учились в школах и институтах, работали на заводах или сеяли хлеб, ставили научные опыты в лабораториях или, может быть, помогали осваивать космос — делали свою страну еще более могучей и прекрасной. Но где бы они ни были сегодня, пусть они знают: ни ветер, ни дождь, ни солнце не смогли стереть с венских стен слова, начертанные ими весной сорок пятого. А в наших сердцах и в нашей истории они будут жить еще дольше.

Всеволод АЗАРОВ

Яблони на пирсе

Когда уходит вдаль ракетоносец,
Ложится бороздою пенный след.
Сквозь сотни позывных
разноголосиц
Радисты слышат Родины привет.

И пирс, куда еще вчера был
врезан
Крутых надстроек контур
броневой,
Тоскует по нагретому железу,
По горну в миг побудки боевой.

И нежность и любовь
живут в матросе.
На пирс, впервые заступив на пост,
Росток он из питомника приносит...
И солнце и дожди весенних гроз

Сопровождают листьев
пробужденье.
Следи, чтоб их не источила тля!
Пусть розовое облако цветенья
Благоухает возле корабля.

Но это наступает много позже:
Мужают моряки, взрослеет сад.
Чу, для команды мига нет
дороже,—
Плоды, на землю падая, стучат...

И снова якорь поднят на рассвете,
И яблони ветвями машут вслед...
А где-то в море бьет холодный
ветер,
И точен громовой удар ракет!

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ЗНАКОМЬТЕСЬ, МСЬЕ „ВДРУГ"!

Торжественно поднимается по флагштоку знамя Белой Олимпиады в Гренобле.

На высшей ступени пьедестала почета Людмила Титова

Фото Л. Бородулина.

Гренобль. Снова пылает олимпийский огонь, снова поток протоколов и извещений ежеминутно обрушивается на наши репортерские головы, а мы снова и снова вспоминаем Инсбрук, сравниваем его достижения с гренобльскими итогами и сокрушенно вздыхаем. Вот и сейчас я пишу эти строки, вернувшись с конькобежных соревнований, и вспоминаю Лидию Скобликову, хотя ее и не было среди участниц бега на 1 000 метров. В Инсбруке никто не мог отобрать у нас золотую медаль на этой дистанции, а здесь, на катке в парке Мистраль, Людмила Титова, выступавшая в одной из первых пар и установившая новый олимпийский рекорд, не удержала первенства. Под самый занавес голландской скороходке Каролине Гейссен удалось преодолеть ледяной километр на 0,3 секунды быстрее. И этот великолепный бег оставил нам лишь второе место...

Людмила Титова заслуживает самых высоких похвал. Она стала олимпийской чемпионкой в беге на 500 метров. Надо ли описывать ее блистательный поединок с тремя [redacted], которые все показали одно и то же время — 46,3 секунды, так и не сумев преодолеть две десятых, которые отделяли их от результата советской спортсменки!

Но факт остается фактом: после четырех разыгранных дистанций мы имеем лишь одну золотую медаль.

Вот как в первой половине Олимпийских игр складываются конькобежные дела в Гренобле. И на примере Людмилы Титовой можно определить, в чем главная загвоздка наших неудач. Не мы стали слабее, а наши соперники стали значительно сильнее, и это заметно не только в конькобежном спорте.

Невиданный размах приобретает спорт в мире, и это не может не сказываться на результатах Олимпиад. Вспомним хотя бы ту первую лыжную гонку, на которой была разыграна первая медаль X Белой Олимпиады. Стремительно проносится время на Олимпийских играх, и тот день, когда я, вернувшись с торжественного открытия, еще весь полный впечатлений от великолепно срежиссированной церемонии, красочной, лиричной, насыщенной прекрасной музыкой, нашел у себя на столе зеленый листок стартового протокола, кажется, давно уже канул в вечность. Сколько событий успело промелькнуть за эти дни! А ведь это было всего пять дней тому назад... Зеленый листок сообщал, в каком порядке будут стартовать участники лыжной гонки на 30 километров.

Каждый стартовый протокол, если внимательно его прочесть и сдобрить присущую ему лаконичность малой толикой воображения, предстанет перед нами как бы конспектом волнующей драмы. Вот и тогда я отметил кружочками главных действующих лиц, отделив их от статистов, и определил для себя главные сюжетные линии первой гонки. В Норвегии на первенстве мира два года назад именно на этой дистанции финскому лыжнику Эеро Мянтюранта удалось отобрать у норвежца Эггена золотую медаль. Я отметил сейчас, что Мянтюранта берет старт под 33-м номером, что в гонке раньше его на 4,5 минуты стартует трехкратный чемпион мира Эгген, имея перед собой одного из лучших шведских гонщиков, Гуннара Ларссона, что между ними окажется наш Вячеслав Веденин, что молодая надежда нашей команды Владимир Воронков будет иметь возможность вести непосредственную борьбу с опытным финским гонщиком Калеви Ойкарайненом, а Валерий Тараканов — с другим финном, Калеви Лаурилой. Не преминул я взять на заметку и Одда Мартинсена, шведского лыжника, самого сильного в своей команде по результатам нынешнего сезона. А вот итальянца Франко Нонеса, скромно примостившегося в стартовом протоколе рядом с такими корифеями, как Эгген и Ларссон, я и не заметил.

Готов дать голову на отсечение, что из всех журналистов, приехавших в Отран и заполнивших до отказа трибуны прессы, ни один не мог предполагать, что чемпионом станет этот черноглазый маленький итальянец Нонес, что перед ним должны будут склонить-

ся и Мартинсен и Мянтюранта, а Эгген окажется на финише тридцать четвертым!

Когда на электрифицированном щите появились итоговые строки и в первой строке стояло: «Франко Нонес — Италия — 1 час 35 минут 39,2 секунды»,— один из шведских журналистов, уже считавший, что победа Мартинсена обеспечена, воскликнул в полном недоумении: «Нонес? Но это же нонсенс!» (Как известно, слово «нонсенс» по латыни — абсурд, несуразность.) Какой же был переполох в скандинавском стане! Итальянец бьет всех! В почетной шестерке нет ни одного шведского гонщика, но зато есть еще один итальянец — Дж. Флориан, занявший пятое место! Да, Флориан оказался выше таких мастеров лыжного бега, как финны Лаурила, Ойнарайнен, швед Ларссон, не говоря уже о трехкратном чемпионе мира Эггене...

Так впервые на Гренобльской олимпиаде мы встретились с мсье «Вдруг». Но прежде чем поближе познакомить вас с этим проказливым господином, доставившим немало огорчений любителям железной логики и безошибочных прогнозов и немало волнений истинным ценителям спортивной борьбы, я должен вспомнить некоторые исторические подробности. Они связаны с 1924 годом, когда во Франции на альпийском курорте Шамони состоялись первые зимние Олимпийские игры. Тогда все было в новинку, все вдруг. Тогда 293 участника из 16 стран казались вполне представительным кворумом, и тогда норвежцы никому не отдали золотых медалей в лыжных гонках. Но с каждой новой Олимпиадой соотношение сил настолько уточнилось, настолько ясны стали возможности тех или иных команд, что вскоре многим стало казаться возможным заранее, не тратя времени и денег на организацию игр, просто рассылать все награды по почте. Это, конечно, шутка, но она была близка к истине.

Но с каждой новой Олимпиадой росло число участников (в Гренобль 37 стран прислали свыше 1 500 своих спортсменов). Слабые учились у сильных, и господин «Вдруг» снова воспрянул духом.

Выход на олимпийскую арену в 1956 году советских спортсменов придал Белым Олимпиадам новый блеск. Много сюрпризов ждало любителей спорта в Кортина д'Ампеццо. Победы советских хоккеистов, скороходов и даже лыжников, которых уже, наверное, никто не котировал, произвели сенсацию. Еще большего напряжения достигла борьба на двух последних Олимпиадах: в Скво-Вэлли и Инсбруке, где советские спортсмены добились выдающихся успехов. Но за это время наши соперники многое переняли у нас в организации спорта, в методике подготовки спортсменов, а мы, видимо, где-то несколько задержались в своем движении вперед и вот после Инсбрука стали терпеть неудачи на ледяной дорожке, у скороходов, на лыжне — у мужчин и даже у женщин. Лыжники до последнего момента никак не могут вернуть себе уверенность, которая позволила бы им стать олимпийскими чемпионами еще в Кортина д'Ампеццо. Вот почему, возвращаясь после этого исторического экскурса снова в Отран, к финишу гонки на 30 километров, я считаю, что вторым сюрпризом этой гонки было четвертое место новобранца нашей сборной команды Владимира Воронкова. Он показал себя настоящим борцом, гонщиком больших возможностей. Четвертое место среди десяти сильнейших гонщиков мирового класса дает нам надежду на то, что скоро мы увидим его и победителем. Увы, товарищи Воронкова по команде не смогли поддержать его усилий ни в этой гонке, ни в следующей. Лучший результат на дистанции 15 километров среди советских спортсменов был у Валерия Тараканова — девятое место.

В этой второй гонке мы снова столкнулись с причудами мсье «Вдруг». Когда мы заняли свои места на трибуне в ожидании первых стартов, мой сосед, поистине лыжный эрудит, отлично разбирающийся во всех тонкостях любимого спорта, сказал, глядя на разминающегося перед стартом норвежца Харальда Греннингена: «Ну, этот ничего не сделает». И в самом деле, что можно было ждать от 35-летнего ветерана, да еще стартующего пятым? Явно ничего. Ведь главные претенденты стартуют в последней группе, пользуясь на дистанции всеми преимуществами информации о результатах тех, кто идет впереди. Но хотя и Мянтюранта, и Ларссон, и Лаурила, и Мартинсен знали, что Греннинген прошел лучше всех первые 5 километров, хотя Мянтюранта пытался победить его на втором пятикилометровом круге, но ни он, ни кто другой ничего не смогли сделать. На склоне своего спортивного пути Греннинген впервые стал олимпийским чемпионом. Это было вполне прият[illegible] всех скандинавов. Ведь они взяли реванш у итальянских гонщиков, не пустив их выше 13-го места. Но разве нас может устроить девятое место Тараканова? Разве нас может устроить новый сюрприз мсье «Вдруг», который он нам приготовил на дистанции женской гонки на 10 километров? Мужчины-гонщики огорчают нас давно, но на наших лыжниц мы рассчитывали с полным основанием совер[illegible]

И вот печальная ситуация: гонку выиграла шведка Т. Густафссон, второе и третье места у норвежек Б. Мёрдре и И. Ауфлес, четвертое — шведка Б. Мартинсон, пятое — финка М. Капосмаа, а лишь затем — Галина Кулакова и Алевтина Колчина.

Что же случилось? Как утверждают тренеры, опять нас подвела смазка. Но ссылаться на смазку больше невозможно. В конце концов умение подготовить лыжи — это такой же эталон мастерства, как и умение пользоваться современной лыжной техникой. Ведь не может же являться объяснением неудачи такое утверждение: «Он проиграл потому, что не владеет техникой попеременного хода». Да, пока шутки мсье «Вдруг» на лыжне совсем не веселят нас, так же, например, как его шутки на ледяном поле не веселят канадцев. Финские хоккеисты расправились с рыцарями «Кленового листа». Вот еще один пример того, как слабые учатся у сильных и в конце концов обгоняют их. А разве хоккеисты ГДР не доставляют многих волнующих минут лидерам хоккейного турнира?

...Дни бегут так же стремительно, как строчки экстренных сообщений на машинках «ИБМ». Не успели мы обжиться, как половина Олимпиады уже позади. Гремят над миром имена новых олимпийских чемпионов. На днях, возвращаясь вечером с хоккея, я был подхвачен неизвестно откуда налетевшим людским водоворотом. В чем дело? Ограбление банка? Автомобильная катастрофа? Нет, оказывается, ни то и ни другое. Просто Жан-Клод Килли! Этот белокурый, не очень сильный на вид молодой человек с тонким, приятным лицом, сын владельца лыжной мастерской, стал национальным героем Франции, выиграв скоростной спуск. С чем сейчас можно сравнивать его популярность после того, как он завоевал золотую медаль на дистанции слалома-гиганта? Пожалуй, только с австрийским слаломистом Тони Зайлером после его полной победы на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо. Следует только сделать поправку на темперамент французских болельщиков.

Пролетает очередной день с его радостями и огорчениями, и до утра мы расстаемся с мсье «Вдруг», чтобы ранним утром встретиться с ним снова или на пушистой лыжне Отран (на сухом асфальте Гренобля просто не верится, что через сорок минут быстрой езды можно оказаться среди снегов), или на головоломных в прямом смысле слова, как мы в этом убедились, спусках Шамрусса, или просто в удобной ложе прессы ледяного дворца. Сегодня утром мсье «Вдруг», наконец, хоть немного порадовал нас. На соревновании биатлонистов молодой лыжник Александр Тихонов завоевал серебряную медаль, а его товарищ по команде Владимир Гундарцев получил бронзовую. Тихонов имел все шансы на то, чтобы оказаться и золотым призером. Норвежец Магнар Сольберг проиграл ему на дистанции больше минуты, но лишние штрафные очки в стрельбе не позволили Тихонову подняться на самую высшую ступеньку пьедестала почета.

Но, может быть, этот день и является тем переломом, которого мы так ожидали? Что-то нам подготовил под занавес веселый, неистощимый в своих сюрпризах мсье «Вдруг»?

Гренобль, 12 февраля,
по телефону.

СЛОВА НЕ РАСХОДИЛИСЬ С ДЕЛОМ

«В редакцию не вернулся...»*. Книга вторая. Едва выйдя в свет, она сразу же пробилась к сердцам людей. Первая книга под тем же названием была раскуплена буквально в считанные дни.

Когда я думаю о жизни и судьбе журналиста, мне приходят на память известные слова о сапере, ошибающемся лишь однажды. Нет, я говорю не о прямой аналогии: всю жизнь журналист пишет о других, и, как правило, лишь однажды пишут о нем... Тем бережнее сохраняем мы в сердцах имена наших коллег, тем острее интерес к их благородным делам, к их солдатскому подвигу.

В начале двадцатых годов, когда Михаил Шолохов вышел на первые литературные тропы, рядом с ним в числе других был молодой писатель, недавний боец красного бронепоезда, рабочий ростовских железнодорожных мастерских Александр Бусыгин. Вот что пишет о нем в сборнике Михаил Александрович в небольшом рассказе «Честная жизнь»:

«...Он трудно искал пути к овладению художественным мастерством и то, что постиг и сделал за свою недолгую писательскую жизнь, считал лишь началом, первыми шагами на литературном поприще. Уже будучи на фронте Отечественной войны в качестве военного корреспондента армейской газеты и все время находясь в боевых порядках, в родной ему семье простых советских людей — защитников Отечества,— Бусыгин не раз мечтательно говорил: «Если уцелею,— вот о ком буду писать после войны! Какой героической закалки народище! Не налюбуюсь!» А те, кем он любовался,— скупые на похвалы наши солдаты и офицеры — с любовью и гордостью отзывались о нем. «Бусыгин-то? Саша кучерявый? Он всегда с нами. Это настоящий парень!»

Военный корреспондент Александр Бусыгин умер честной солдатской смертью. До последнего дыхания вел он огонь из станкового пулемета, прикрывая отход товарищей. Он был убит осколками вражеской мины.

В книге добрым словом помянуты многие журналисты-фронтовики, те, что шли в бой не «лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом». В короткой статье невозможно назвать всех. Но мне хочется несколько слов написать об очень искренних и взволнованных очерках Леонида Ленча «Это был храбрый человек!» — о талантливом поэте-бойце Иосифе Уткине, Бориса Полевого «Последняя встреча с майором Лило» — о милом, бесстрашном, широко известном в корпусе фронтовых журналистов корреспонденте Совинформбюро майоре Мкртыче Оганесовиче Лилояне, Дмитрия Холендро «Человек без [redacted] сыне Дагестана, писателе Эффенди Капиеве, Семена Борзунова — о поэте, журналисте, солдате, Герое Советского Союза Якове Чапичеве...

У них, у военкоров, слова никогда не расходились с делами. В одном из стихотворений Яков Чапичев писал: «Быть честным и храбрым Советским Героем я Родине клятву даю!» Чапичеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

За три недели до Победы, когда уже гремели финальные залпы жестокой войны, под Франкфуртом-на-Одере погиб в атаке поэт, журналист, заместитель командира батальона по политчасти 526-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии капитан Арсен Оганесьян. Перед самой войной он писал:

Если тучи придут, будет день
грозовой,—
Наготове винтовка и штык.
Если пуля сразит, я умру, как
герой,—
Ты живи и ликуй, Айреник!

Заканчивая предисловие к сборнику, Константин Симонов пишет: «Мне остается добавить, что и эта вторая книга «В редакцию не вернулся...» не имеет права стать последней. По-прежнему не сказано еще многое и обо многих. Отдавая должное огромному и самоотверженному труду составителя этой книги, хочу, однако, повторить, что впереди еще немало работы».

Действительно, редактор-составитель первой и второй книг «В редакцию не вернулся...» ветеран военной журналистики Петр Дмитриевич Коранчкин провел колоссальную исследовательскую и редакторскую работу и тем заслужил признательность читателей.

Михаил АНДРИАСОВ

---

* В редакцию не вернулся... Книга вторая. Издательство политической литературы. 1967

Иван Александрович ПЫРЬЕВ

Умер выдающийся советский кинорежиссер Иван Александрович Пырьев. Поставленные им фильмы вошли в золотой фонд советского киноискусства.

Сын сибирского крестьянина, солдат, в пятнадцать лет награжденный за отвагу Георгиевским крестом, боец красногвардейских отрядов, работник агитотдела, актер, ассистент режиссера и, наконец, крупнейший деятель советской кинематографии — таков путь этого талантливого человека.

В 1925 году Пырьев пришел в кино. Один из его первых фильмов, «Партийный билет», стал большим общественным событием. Любовь к народному юмору и русской песне помогает Пырьеву стать зачинателем советской народной музыкальной комедии. Большую популярность снискали его фильмы из жизни колхозной деревни: «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух».

Среди картин Пырьева совершенно особо стоит героический фильм «Секретарь райкома», созданный в годы Отечественной войны.

«В 6 часов вечера после войны», «Кубанские казаки», «Сказание о земле Сибирской» запомнились песенностью, задушевностью...

Новой значительной победой стала экранизация «Идиота» Достоевского. Над воплощением на экране другого романа этого писателя, «Братья Карамазовы», режиссер работал до последнего часа своей жизни.

Выдающаяся деятельность большого советского художника неоднократно отмечалась высокими правительственными наградами.

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Ощупью в полдень

СРЕДА

1

Газетно-издательское объединение находилось в огромном сером доме с галереями, длинными балконами, круглыми окнами. Дом был похож на старый пассажирский корабль, во время наводнения случайно попавший на городскую улицу и застрявший здесь навсегда.

Тихонов знал, что «Страна Советов» помещается в левом крыле на четвертом этаже.

На бесчисленных дверях белели таблички с фамилиями. Рядом с туалетом почему-то висела черная стеклянная таблица «Ходи тихо. Работают». У входа в комнату 414 было написано: «Беляков С. Н., Степичев Ю. М., Аксенова Т. С., Пушкина А. Н.». Тихонов коротко постучал.

— Войдите...

В комнате за одним из столов сидел парень лет тридцати в красивом дубленом полушубке. Меховая шапка с длинными ушами валялась рядом на стуле.

— Мне нужен заведующий отделом Беляков.

Парень повернул к нему кудрявую светлую голову с худым хищным профилем.

— Беляков вышел. Будет через полчаса. Я — Степичев. Могу быть полезен?

— Да, можете. Я — Тихонов из МУРа.

— Садитесь сюда, это Танин стол. Подождите немного, я сейчас закончу свои дела — и к вашим услугам.

Танин стол был завален какими-то газетами, исписанными листами, гранками, вырезками из журналов, на шестидневке были расчеркнуты и загнуты листы. Крышка с чернильного пузырька была свинчена, в нем торчала деревянная школьная ручка с обкусанным кон[redacted] Под стеклом на столе — большой цве[redacted] портрет Феллинера и фотография космонавта Комарова с надписью «Доброму и умному товарищу, прекрасному человеку, Танюше Аксеновой. В. Комаров. 12 августа 1965 г.». Космонавт гасит купол парашюта на бесконечном, залитом солнцем поле.

Степичев разбирал на своем столе какие-то бумажки, быстро читал, некоторые складывал в верхний ящик стола, остальные рвал. На угол сложил стопку потертых блокнотов. Позвонил куда-то и попросил приготовить досье по Таймыру. Задвинул ящик, запер, ключ положил на стол Белякова.

— Все. Можно ехать.— Он сел верхом на стул, достал пачку сигарет, протянул Тихонову.

— Спасибо, не курю. Далеко собираетесь?

— Талнах, Северный Таймыр. Гидростанцию и металлургический комбинат пускать будут. Там-то все в порядке, а вот у вас как — по-прежнему ничего?

— Ноль. На вас надеюсь, думаю, поможете. Вы когда последний раз Аксенову видели?

— В понедельник, около пяти.

— Потом она ушла?

— Нет, я ушел первым. Таня еще оставалась. Я ее звал ужинать — она сказала, что ей надо поработать.

— Больше никого в отделе не было?

— Нет. Собственно, заходил Беляков. Но он в понедельник был «свежей головой», так что он и в отделе-то почти не показывался.

— Как это — «свежей головой»?

— На каждый выходящий номер газеты выделяется человек, который приходит, когда верстка уже готова, и вылавливает из него [redacted]

— Понятно. Вы не обратили внимания, какое у Тани было настроение в этот день?

Степичев пожал плечами:

— Трудно сказать. Вроде бы нормальное. Она ведь вообще была очень спокойной.

— Спокойной или флегматичной?

Степичев взмахнул сигаретой:

— Это, знаете ли, только в учебниках люди разбиты на четыре подкласса: флегматики — холерики, меланхолики — сангвиники. В жизни сложнее подогнать человека под эти рамки. Таня была обычной молодой женщиной — веселой, добродушной. И, кроме того, когда вот так внезапно погибает близкий человек, в первое время почему-то уходит из памяти самое главное. Мелочи какие-то, пустяки остаются.

— Вы не знаете, были у нее враги?

— Не думаю. Недоброжелатели какие-нибудь, наверное, как у всякого человека были. Но такие, чтобы убить, вряд ли.

— А что она в понедельник днем делала?

— Сейчас подумаю. Дай бог памяти. Так, с утра она писала отчет о командировке...

— Простите, а когда она приехала из командировки?

— В субботу утром. Таня ездила на завод в Ровно, неделю там была. Привезла очерк. Да! Говорила, что нашла какой-то поразительный материал для рубрики «На моральные темы», но что-то ей еще должны были не то прислать, не то она должна была проверить. Я сам был в закрутке и как-то пропустил это мимо ушей. Да оно, собственно, уже не имеет значения...

Стас спросил, как бы между прочим:

— Аксенова не замужем?

— Нет. У нее был один человек. Не знаю даже, как его назвать — жених, что ли. Слово [redacted]...

— Да, романтики в нем маловато. Вы о Ставицком говорите?

Степичев взглянул на него удивленно:

— А вы уже о нем знаете?

— Пока очень мало. Я как раз и хотел что-нибудь интересное о нем узнать.

— Да ничего, по-моему, в нем нет интересного. Актер! Таким всю жизнь не хватает одной роли, чтобы стать знаменитыми.

— Я хочу вам напомнить: мы об обстоятельствах убийства почти ничего не знаем. Нам лишь известно, что Таню, возможно, убил высокий молодой человек в темном пальто с чемоданчиком в руке,— сказал спокойно Стас.

— Во-первых, Ставицкий ходит в сером пальто, а во-вторых, я не верю, что он может быть к этому причастен.

— Во-первых, я вам не сказал, что подозреваю Ставицкого: мне просто надо лучше знать людей из окружения Аксеновой. А во-вторых, только в системе Станиславского установка «Не верю!» неоспорима. Мы предпочитаем факты.

— Видите ли, я его не люблю, и поэтому я не могу быть объективным. А вам необъективность сейчас может только навредить. Да я действительно, я его очень мало знаю. Встречался несколько раз, и мне он не понравился. По-моему, просто хлыщ, который дома снимает с себя интеллигентность, как пиджак. Мне иногда казалось, что Таня его терпит, потому что дала себе слово сделать из него человека. А может быть, я и неправ, не знаю...

2

Беляков вошел в комнату стремительно, рывком. В руках он держал сырой еще оттиск газетной полосы. Беляков был очень мал ростом, очень прям, очень озабочен.

— Здравствуйте, товарищ Тихонов. Я — прямо из типографии.

Стас встал, шагнул навстречу.

— Сидите, сидите. Вот здесь мы даем Танин очерк, который она привезла из командировки.

На желтоватом листе бумаги выстраивались колонки серенькиx букв, аккуратно огибая белые пятна, куда оттиснутся клише фотографий. Сбоку шел высокий трехколонник, названный «Много ли человеку доброты надо?». Под заголовком — фамилия Тани, отбитая траурной рамкой и жирным шрифтом официальное — «Когда верстался этот номер, трагически погибла молодая талантливая журналистка Т. С. Аксенова. Читатели хорошо знают...»

Степичев поднялся.

— Ну, я поехал.— Он обнял Белякова за плечи, пожал Стасу руку.— Желаю удачи.

— Телеграфируй,— сказал Беляков.

— Пока.

Дверь захлопнулась, и еще долго из коридора доносились четкие шаги Степичева.

Беляков снял очки и, высоко подняв их, стал протирать платком. Как у всех очень близоруких людей, глаза у Белякова без очков сильно скашивались к носу и лицо становилось незащищенно голым.

Беляков надел очки и снова стал руководяще [redacted].

— Мы потрясены этой трагической, нелепой гибелью,— сказал он и доверительно добавил: — Наш главный хочет снестись с вашим руководством на предмет выделения группы самых сильных оперативных работников для расследования этого из ряда вон выходящего дела.

— Благодарю за внимание,— усмехнулся Тихонов,— только самых сильных мало, а преступлений еще вполне хватает. Так что, если все самые сильные будут заниматься одним де-

Продолжение. См. «Огонек» № 7.

лом, для преступников будет не жизнь, а малина. Кроме того, мы занимаемся не следствием, а оперативным розыском. Следствие ведет прокуратура.

— Я, наверное, неудачно выразился. Я просто хотел сказать, что этому убийству надо уделить чрезвычайное внимание.

— Я не обижаюсь. А что касается чрезвычайного внимания, то оно уделяется у нас всякому убийству.

— А как вы думаете, поймают убийцу?

— Мне за это зарплату платят,— сказал зло Стас и вспомнил спокойное шараповское: «Найдем. И не таких находили».

— А все-таки случается еще, что такие преступления остаются нераскрытыми?

— Случается.

— Вот видите!

— Что я вижу? Убит человек. Надо выяснить, почему. Тогда уже будет проще найти кто убил. Для этого берем всю совокупность объективных обстоятельств вокруг убитого и отметаем все лишнее — налицо мотив и субъект преступления.

Беляков смотрел недоверчиво: разыгрывает его оперативник, что ли? Стас говорил спокойно, слегка улыбаясь, скрывая раздражение.

— Да-да, как у Родена — берем каменную глыбу и отсекаем все ненужное.

— Но ведь это, наверное, дьявольски трудная задача,— сказал растерянно Беляков.

— Нет. Если привыкнуть, то ничего,— успокоил Стас, подумал: «Ох, милиция, милиция. Горький, черствый хлеб!»

По лицу Белякова было видно, что он в Стаса не верит. «Медаль надо было надеть»,— усмехнулся про себя Стас.

— Все это так непостижимо, нет никаких логических объяснений всему свершившемуся,— сказал Беляков, и очки его запотели.— Даже не знаю, как вы это распутывать все будете. Боюсь, уйдет убийца от кары.

Больше всего Стаса бесило, что Беляков молодой. Ну, старый какой-нибудь, пенсионер со сквера, обыватель доминошный, бормотал бы такое — понятно. Но молодой совсем парень — это уж черт те что! Только бы не сорваться, спокойно.

— Как я понимаю, вы хотите получить от меня расписку в том, что я обязуюсь найти убийцу. Такой расписки я вам не дам. И никто не даст. Потому что я — человек. И преступник, в общем, тоже человек. Вот если бы преступления совершали машины и машины же их раскрывали, то для всемирного правосудия достаточно было бы найти необходимый алгоритм, и с преступностью было бы покончено. Но вы поймите, что я — человек, и всякий другой оперативник — молодой и старый — только человек. Поэтому мы можем ошибаться, не знать, не понимать, не предвидеть. И все-таки мы ищем и, как правило, находим.

— За счет чего же? — с интересом спросил [illegible].

— За счет всего,— устало сказал Тихонов.— На моей стороне закон, все люди, общественное мнение. Наконец, я — человек, а он — волк, человеко-волк, и рано или поздно мы его загоняем за флажки.

— Да-а, это по-своему убедительно, хотя довольно общо,— упрямо сказал Беляков.

— Ладно, предлагаю эту криминологическую дискуссию перенести на внеслужебное время. Я хотел бы с вашей помощью ознакомиться с архивом Тани Аксеновой...

Около трех часов дня Стас задвинул последний ящик стола, откинулся на стуле. Все. Не нашлось ничего интересного. Беляков тоже устал от напряжения — он расшифровывал Стасу некоторые непонятные Танины записи.

— Вот посмотрите ее последний блокнот. Она забыла его у меня на столе, уходя в понедель[illegible]

«Предпоследний,— подумал Тихонов.— Последний был у нее в сумке».

Он взял из рук Белякова красную ледериновую книжку, долго листал. Записи и пометки о людях, каких-то кораблях, атомной электростанции на Чукотке, сказка о диком олене Хора и очень много фраз — вставочек наподобие режиссерских ремарок: «Гораздо больше экспрессии», «Это одеяло лжи, сшитое из лоскутов правды», «Потеря темпа», «Врет так интересно, что не хочется спорить».

Видимо, у Тани была привычка механически записывать отдельные мысли. Уже в самом конце шли наброски очерка о людях Ровенского завода, который завтра будет напечатан в газете. На последней странице написано: «А. Ф. Химиян. Говорят, что микробы проказы могут прожить в организме, объективно не проявляясь, до пятнадцати лет». «В плотине моральных устоев нацизм открыл слив для всех человеческих нечистот». «Трусость — детонатор жутких поступков». Какие-то птички, галочки. Больше ничего нет.

— Тут тоже ничего нет,— вернул Стас Белякову блокнот.— Скажите, Аксенова не заявляла в план каких-либо материалов, связанных с проблемой фашизма? Или, может быть, с судьбами жертв фашизма?

— Нет. Это вообще не относится к тематике нашего отдела. Такими проблемами занимаются международники. Она мне сказала, что сдаст какой-то интересный материал, но я в понедельник был очень занят...

— Когда вы видели Таню в последний раз?

— Подождите, сейчас я точно скажу. Третью полосу приносят в половине шестого. Да, в половине шестого я зашел в отдел, и Таня с кем-то говорила по телефону. Да-да, она еще мне показала рукой: подождите, мол. Но меня вызвали в секретариат, и я решил зайти позднее. Заглянул минут через сорок — ее уже не было.

— А о чем говорила Таня, вы не слышали?

— Видите ли, я не имею обыкновения слушать чужие разговоры.

— Жаль,— сказал Тихонов.— Жаль, что не нарушили в тот раз обыкновения.

В отделе кадров Стас быстро перелистал личное дело Аксеновой. Последняя характеристика для поездки в международный дом отдыха журналистов в Варну. «...Зарекомендовала себя... деятельный и инициативный журналист..., ведет большую общественную работу, политически грамотна..., морально устойчива...»

«Не придумаешь лучшего способа обезличить человека,— подумал Тихонов.— Смешные какие-то сохранились рудименты в нашей жизни. Характеристика! Кого она — такая — может охарактеризовать? И вообще это нелепо: хорошим работникам характеристики не нужны, их и так знают, а плохих характеристик, по-моему, вообще не дают...»

Кадровик спросил задумавшегося Стаса:

— Что-нибудь неясно?

— Неясно. Что обозначает, например, «морально устойчива»?

— Ну, как же! Значит, зарекомендовал себя хорошо...

— Деятельным и активным?

— Хотя бы. Устойчив в быту и на производстве. Не было аморальных проявлений, персональных дел там всяких.

— Замечательно,— усмехнулся Стас.

Последний листок в деле — выписка из приказа: «Командировать специального корреспондента т. Аксенову Т. С. в город Ровно на строительство химического завода с 3/II по 10/II 1966 г.».

Десятое — это какой день? Стас достал карманный календарь. Так, десятое — четверг. Значит, она должна была выйти на работу в пятницу, а Беляков говорит, что вернулась в субботу. Надо бы узнать, не объясняла ли она както задержку. Тихонов вернулся обратно по коридору, но в комнате 414 никого не было. На столе Белякова лежала записка: «Я на редколлегии. Буду в 17 часов». Стас взглянул на часы. Пора возвращаться на Петровку.

■

Шарапов приоткрыл дверь в кабинет Тихонова: Стас внимательно рассматривал несколько документов, отпечатанных на машинке.

— Давно приехал?

— Час назад. Заходи, Владимир Иваныч.

— Что-нибудь привез?

— Так, кое-что. Как говорится в процессуальном кодексе, документы, «характеризующие [illegible]

Шарапов подошел к Тихонову, присел на край стула.

— Ну?

— В редакции у нее был. На, почитай ее характеристику.— Тихонов протянул фирменный бланк редакции.

Шарапов почитал, прищурился.

— Да-а, для уголовного розыска здесь маловато...

— Здесь для кого хочешь маловато. Разве что для другого кадровика. Взыскание, строгий выговор, видишь, имела и три поощрения. Высшее образование у нее и общественную работу вела, а в самодеятельности не участвовала. Я, конечно, с товарищами ее беседовал — те, как о живой, о ней говорят. А мне сейчас важнее всего узнать ее живую. При наших исходных данных шансы выйти на убийцу минимальные. Мотив надо искать. Пока мы не установим мотив нападения, преступника нам не найти. Будем крутиться, как собака с банкой [illegible]е.

— Пожалуй,— сказал Шарапов.— Хочешь, давай прикинем по вариантам. Ну, во-первых, ее могли убить из корысти.

— Вряд ли,— возразил Тихонов.— По обстановке преступник никак не мог ее ограбить — люди сзади шли. Да и сумочка Аксеновой при ней осталась. На богатое наследство тоже рассчитывать не приходилось...

Шарапов кивнул:

— Значит, отпадает. Тогда ревность.

— Вот это очень возможно. Молодая, красивая — мог какой-нибудь прохвост загубить женщину, лишь бы другому не досталась. Мне вообще кажется, что мотив скрыт где-то в ее личной жизни. И письма эти...

Шарапов сказал:

— Пошли дальше. Хулиганство. Обстоятельства убийства вполне подходят для этой версии: разгулялся, пьянчуга, ну, и ткнул шилом ни в чем не повинного человека...

— Могли ее убить на почве выполнения служебного или общественного долга,— продолжал Тихонов,— но данных для такой версии у нас фактически нет. Убийство на семейной почве? Нет, это сразу отпадает...

— Остается еще убийство из мести или для сокрытия другого тяжкого преступления,— задумчиво сказал Шарапов.— Таких данных у нас пока тоже нет, но отбрасывать эти мотивы рано.

— Рано,— согласился Тихонов.— Ну, и последнее: эксцесс Аксенову мог убить какой-нибудь сумасшедший, либо на нее напали по ошибке, приняв за другого человека.

Шарапов грустно улыбнулся:

— Прямо весь Уголовный кодекс перебрали. Значит, какие оставим направления?

— Я думаю, что в первую очередь надо пройти по ревности и хулиганству. Потом будем думать о мести, это — понятие широкое и многое охватывает. Попробуем проверить эксцессы.

— Конечно.— Шарапов поднялся, повертел в руках характеристику — Не забудь только: ее могли убить за то, что она слишком много знала о ком-то. В общем, работенки нам, видимо, хватит...

■

СВОДКА

16 февраля 1966 года № 138.

«...В отделениях милиции проверить, нет ли среди граждан, доставленных за хулиганские действия, мужчины, сходного по приметам с разыскиваемым. Ориентировать общественность, народных дружинников на выявление лиц, имеющих колющее оружие типа шила. Запросить все медицинские учреждения о поступлении больных, имеющих раны от такого оружия, для выяснения обстоятельств ранения.

Информировать о происшествии персонал психиатрических лечебных учреждений, так как не исключена возможность задержания с колющим оружием психически больных.

Уголовные дела о всех аналогичных преступлениях, в том числе и приостановленные, немедленно представить в Управление.

Зам. начальника Управления
полковник милиции Санин».

6

Тихонов с сожалением отодвинул на край стола том уголовного дела о хулиганстве Якимова. Очень, очень заманчивая напрашивалась аналогия: Алексей Якимов, которого вчера арестовали за пьяный дебош в общежитии стройуправления, четыре года назад по пьянке ударил остро заточенным узким напильником с деревянной рукояткой совершенно незнакомого ему человека, прохожего, без всякого на то повода. Вышел он на свободу недавно и вот опять начал гастролировать. Не его ли работа — убийство Аксеновой? Способ нападения, во всяком случае, такой же. Но всю эту неделю Якимов работал вечерами. Да и приметы его отличаются от примет парня, которого видели Евстигнеева и Лапина. Все же, на всякий случай, надо поточнее проверить, где был Якимов в понедельник вечером.

Зазвонил телефон.

— Тихонов.

— Алло, Тихонов, Демидов говорит.

— Да, да, Иван Михалыч, слушаю.

— Сейчас со мной снова ехал парень, про которого ты спрашивал, тем же рейсом...

Стас неожиданно охрип:

— Где он?

— А кто его знает? На Цветном, у цирка, из автобуса вышел. А сел здесь же, у «Байкала», из чемоданчика книжку достал и читал всю дорогу.

— Ах, черт возьми! Что же ты его не задержал?

— Так откуда я знаю — задерживать его или нет? У нас такого уговора не было. Ты ж позвонить в случае чего просил...

— Это верно,— сказал с досадой Тихонов. Подумал, переспросил: — Тем же рейсом, говоришь? И с той же остановки?

— 20.37 От «Байкала».

Тихонов подумал еще немного.

— Тогда вот что, Иван Михалыч. Завтра в это время мы с тобой поедем. Если парень войдет в машину, ты мне знак подай...

— Ладно. Посигналю два раза.

— Договорились. Привет.

ЧЕТВЕРГ

1

Тихонов захлопнул дверь, но замок опять не выпускал ключ. Стас аккуратно поводил им, резко дернул на себя. Ключ вышел. Стас повернул голову и в длинном сумеречном коридоре увидел Шарапова, издали узнал его раскачивающуюся походку.

— Далеко собрался?

— Беседовать со Ставицким.

— А чего ты его к себе не вызвал?

— Нецелесообразно. Когда я задаю ему вопросы у него дома,— это милая беседа. Когда мы мило беседуем на Петровке,— это допрос. А допрашивать его пока еще рано. Пока надо просто мило с ним беседовать.

— Ну, давай, собеседник! Ишь ты...— ехидно улыбнулся Шарапов.

В четверг с утра потеплело и снова пошел снег. Стас постоял на углу, прикинул: на Кузнецкий мост можно проехать 42-м троллейбусом. Можно пешком. Решил идти пешком по бульварам. Надо еще раз не спеша все обду- [illegible]

Это дело пугало своей непонятностью, бессвязностью, отсутствием очевидных мотивов. Нет, это не хулиган просто так ткнул шилом. Когда ткнули шилом, эта история не началась, а закончилась. На заснеженном пустыре у гостиницы «Байкал» поставили точку. Какие-то незримые страсти давно бурлили подо льдом. А промыло лед на владыкинском пустыре. Но почему? И кто? Как это было записано в блокноте у Тани: «Микробы проказы могут жить в человеческом организме до пятнадцати лет...» Шарапов держит в ящике стола забавную головоломку — маленький разноцветный шарик. Достаточно дернуть за кольцо, и он распадется на дюжину причудливых частей. Стас изрядно попыхтел, пока впервые сложил из них шарик. Но там были все части. Все. И он знал это заранее. А здесь? Стас уже прикинул десяток стройненьких версий. Из имеющихся фактов. Но достаточно было любую версию чуть натянуть на жесткую раму достоверности, как она начинала позорно трещать, обнажая прорехи очевидных домыслов. Придется идти единственным путем — искать недостающие части.

— Ничего,— упрямо сказал Стас, нажимая на кнопку звонка.— Мы этот шарик еще сложим...

Ставицкий оказался совсем не таким, как представлял себе Тихонов. Ничего в нем не было изнеженного и хлыщеватого. Высокий — вровень со Стасом — красивый парень открыл дверь, мельком глянул на удостоверение, спокойно сказал:

— Заходите. Я ждал вас.

— Это почему же?

— Было бы грубейшей ошибкой следствия не поговорить с человеком, который, быть может, лучше всех знал убитую.

Стаса неприятно царапнуло слово «убитая». Все-таки о любимом человеке!

— Вот я решил этой ошибки не допускать.

Стас снял пальто, замешкался, вроде искал, куда повесить. На вешалке висело серое короткое пальто, на сундучке лежала черная замшевая куртка.

Стас простовато улыбнулся:

— Извините за нескромный вопрос: сколько стоила эта куртка?

Ставицкий удивленно взглянул на него:

— 720 форинтов. Я ее в Венгрии купил. А что?

— Мне вот такую же предлагают. Девяносто рублей хотят. Дорого, наверное?

— Это — дело любительское. Охота пуще неволи...

— Да я вообще не знаю, пойдет ли она мне. Черный цвет. Боюсь, при моей фактуре на фельдшера буду похож.

— А вы примерьте эту.

— Можно?

— Конечно.

Стас натянул куртку, посмотрел в зеркало. Теплая, с подстежкой, шерстяным воротничком. До середины бедер. Сказал:

— И зимой можно носить, вместо пальто.

— Можно,— ответил Ставицкий.— Хотя я в ней обычно только в машине езжу.

Помолчал, подумал, потом сказал.

— Ну, что, наверное, маскарад можно кончать? Куртка сидит неважно: оттопыривается пистолет в заднем кармане. А зачем вам надо было осмотреть мою куртку?

Стас быстро глянул ему в глаза, спокойно ответил:

— Куртку — не надо. Я хотел осмотреть себя в куртке. Мы же с вами одного роста. А насчет пистолета вы ошиблись. Это коробочка с мятными конфетами «Эвка». Угощайтесь!

— Вот и хорошо. Поставим все точки над «i». Значит, подозреваете?

— Нет. Нет достаточных оснований. А вот серьезно поговорить есть о чем.

Ставицкий сердито хмыкнул:

— Как же это вы для такой серьезной беседы пистолет не взяли?

Тихонов удобно уселся в кресле.

— А я его попусту с собой не ношу. Он же ведь, черт, тяжелый. Да и таскать его вот так повсюду — потерять можно, голову потом за него снимут.

— Мне казалось, что вы без этого обязательного детективного атрибута никак не обойде- [illegible]

— Дело в том, что этот атрибут для меня такой же инструмент в работе, как для бухгалтера — счеты или для вас — коробочка с гримом. Вы же не берете ее с собой, отправляясь в магазин или в гости?

— А вы пришли, чтобы прицениться к моей куртке?

— Нет. Я пришел к вам в гости. Правда, в гости ходят по приглашению. Но специфика работы понуждает меня пренебречь некоторыми условностями. Поэтому я решил лучше прийти в гости к вам, чем приглашать вас к себе. Так, мне кажется, лучше.

— Кому лучше?

— Вообще лучше,— сделал неопределенный жест рукой Стас.

— Видимо, вы полагаете, что допрос в неофициальной обстановке более эффективен?

— Я уже сказал, что это не допрос. А что касается эффективности — несомненно. Я вам напомню о причине и цели своего визита,— тихо сказал Стас, и голос его стал жестким.— Убита при непонятных обстоятельствах женщина, которую вы, по моим сведениям, любили, на которой собирались жениться, и были ею не так давно отвергнуты. Во всяком случае, я могу рассчитывать на вашу всемерную помощь в розыске убийцы. Поэтому я пришел сюда. В этой, как вы говорите, неофициальной обстановке она бывала много раз, здесь еще должно быть эхо ее голоса, и вы должны это помнить и рассказать мне все, имеющее отно- [illegible]

— Но вы же подозреваете меня!

Стас посмотрел на него и сказал:

— Расскажите, что вы делали в понедельник вечером.

Ставицкий походил по комнате:

— В театре я был свободен. Позвонил Тане в редакцию около пяти, может, в половине шестого, предложил встретиться, поговорить. Она куда-то торопилась, сказала, что ей надо с кем-то увидеться. Велела позвонить в среду. Я поехал к Гене Григорьеву...

— Кто это?

— Мой приятель, тоже актер. Его не оказалось дома. Там рядом с ним кинотеатр «Прогресс». Делать было нечего — зашел на семичасовой сеанс. Потом поехал в ресторан, поужинал и отправился домой спать. Вы удовлетворены?

— Почти. Вы откуда звонили Тане?

— Из дома.

— Через сколько минут вы вышли?

— Вскоре. Минут через тридцать, наверное.

— Где живет Григорьев?

— На Ломоносовском проспекте.

— Каким транспортом ехали к нему?

— Четвертым троллейбусом.

— Итак, складываем: пять тридцать — вы звонили Тане, плюс полчаса на сборы — шесть. Минут пятнадцать ходьбы до остановки четвертого троллейбуса, плюс минут тридцать езды. Значит, без четверти семь вы были у Григорьева. Так?

— Так.

— Когда вы уходили из дома, кто-нибудь из соседей вас видел?

— Понятия не имею. Я как будто никого не встретил.

— Идемте дальше. Дома у Григорьева вас кто-нибудь видел?

— Нет, я же сказал, что его не было.

— А может, кто-либо из чад и домочадцев?

— Нет. Никто дверь не открыл.

— Ладно. Без пяти семь вы в кинотеатре. Какой демонстрировали фильм?

— Какая-то импортная белиберда.

— А точнее?

Видно было, как Ставицкий напрягся:

— «Вернись, Беата!»

— Прекрасно. Когда закончился фильм?

— Около девяти.

— Так это ж короткий фильм. Что так долго?

— Журнал был длинный.

— Не помните, о чем?

— «Новости науки и техники».

— Прямо из кино поехали ужинать?

— Нет. Была хорошая погода, снегопад, и я дошел до метро «Университет», а оттуда почти до моста через Москву-реку. Там сел в такси

— В каком ресторане ужинали?

— Дома актеров. Приехал туда около десяти.

— Какой швейцар дежурил? Володя?

— Нет, другой. Я его не знаю.

— Ладно. Вы не запомнили, кто из официанток вас обслуживал?

— Да, конечно. Надя. Она может подтвердить.

— К сожалению, она может подтвердить только то, что вы пришли в ресторан около десяти. Она же с вами не ездила к Григорьеву и не смотрела «Вернись, Беата!».

Покусывая губы, Ставицкий сказал:

— Что ж, алиби у меня нет. Но это еще ни о чем не говорит.

— Конечно, не говорит. А куртку свою вы когда последний раз надевали?

— Неделю назад. А может быть, дней десять. Не помню,— сказал Ставицкий.— Если бы знал, что предстоит разговор с вами, повесил бы на нее табличку: «Ношено первого февраля с 17.30 до 22.00».

— Да вы не сердитесь,— миролюбиво сказал Стас.

— Посмотрел бы я на вас в [redacted] нии! — зло дернул головой Ставицкий. Он достал из стенного бара небольшую пузатую бутылку, вытащил пробку.— Хотите попробовать? Это «Реми Мартин» — один из лучших в мире коньяков.

— Спасибо, я не хочу.

— А что, в вашем Скотленд-ярде не пьют?

— В Скотленд-ярде — не знаю, не был. А в МУРе пьют. Только не на работе,— сказал спокойно Стас. Вспомнил, как Шарапов рассказывал про лайнер «Шасси», и усмехнулся.

Продолжение следует

МОТОГОНЩИК ПЕТЯ

Шестилетний ленинградец Петя — сын мастера спорта и неоднократного чемпиона Геннадия Севостьянова. Петя с двух лет водит автомобиль, немного позже ему был подарен специально сделанный для него мотоцикл. Сейчас самый маленький мотогонщик нашей страны упорно тренируется.

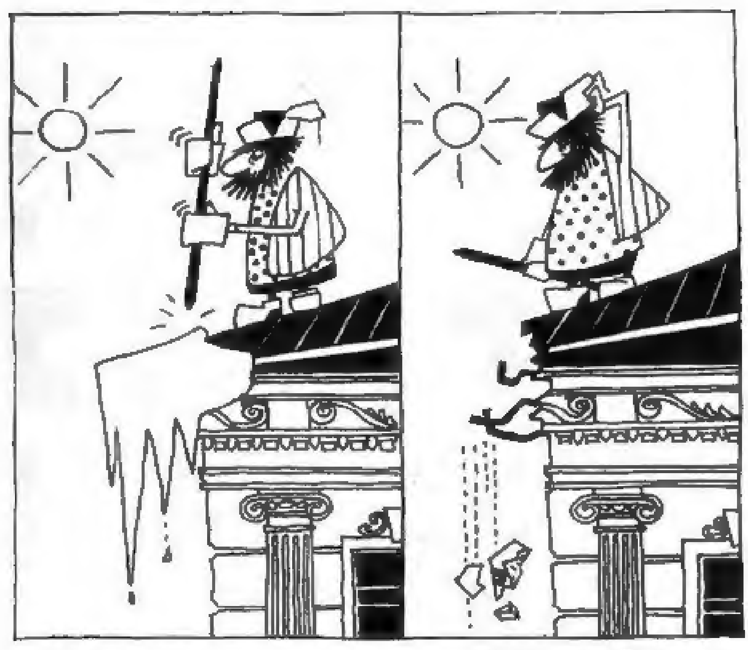
Ю. Дядюченко

ВОДИТЕЛИ! НЕ ЗАСМАТРИВАЙТЕСЬ

На автостраде Бирмингем — Ковентри регулировщиков движения мужчин сменили женщины. Это первые в Англии женщины-регулировщицы. Вскоре они должны появиться и на улицах Лондона.

— Опять на ночь Гренобля насмотрелся.

Рисунок Б. Боссарта.



Без слов. Рисунок А. Некрасова.

ЗАПАНИБРАТА

У Бобби Тайгера, живущего в селении на западном побережье США, самая опасная специальность. Он укротитель крокодилов.

МАКАРОННЫЕ ПЛАТЬЯ

Новинка одного римского салона мод — вечернее платье из длинных полосок материи, напоминающих макароны.

— У вас тоже предпраздничная уборка?

Рисунок А. Грушина.

— Не возражай! Лыжи подбирают по росту.

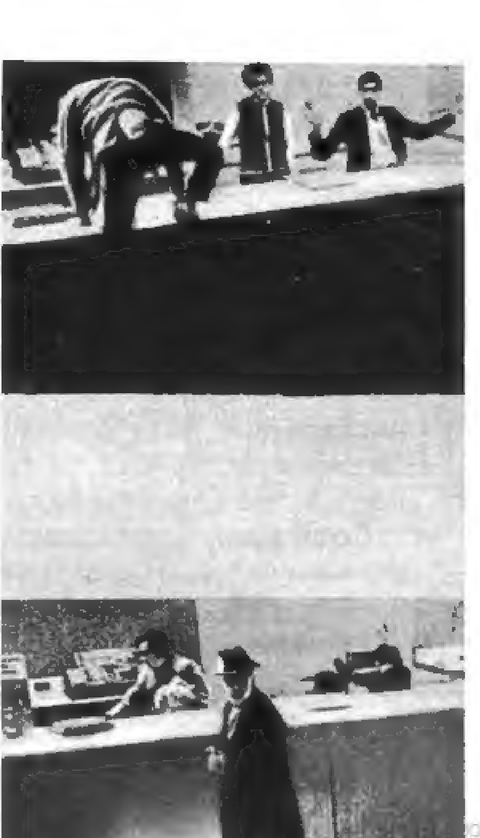
Рисунок В. Тамаева.

ПОДВОДНАЯ ГИГИЕНА

Художник Карли Лумис, занимающийся подводной живописью в калифорнийском аквариуме, подружился с обитателями моря. Гигантская рыба весом в сто двадцать килограммов даже позволяет художнику чистить себе кисточкой зубы.

ИХ ВЫДАЛА КИНОПЛЕНКА

Бандиты проникли в один нью-йоркский банк и похитили сорок две тысячи долларов. В этот же день полиция арестовала гангстеров. Воры не подозревали, что весь эпизод ограбления был запечатлен скрытой кинокамерой на пленку.



У меня зазвонил телефон

Георгий ОСИПОВ

ФЕЛЬЕТОН

У меня зазвонил телефон. Этого торжества я ждал один год, девять месяцев и тринадцать дней. Я радовался каждому звонку, как трели соловья, как колокольчику в пути. Я не роптал, когда меня поднимали среди ночи, спрашивая котельную, вокзал, медвытрезвитель, называли Пупсиком или Альфредом. Я не жаловался, если не набирался семизначный номер. Ерунда! Зато звони сколько угодно по двузначным — в милицию, пожарную... Плохая слышимость? Ну и что?! .

Одним словом, я терпел, ибо долго ждал. Я готов был заполучить не только спаренный номер, но и строенный, счетверенный, осьмиренный.

Я молчал и тогда, когда все московские и иногородние абоненты «спаренной» квартиры врывались ко мне, а моя родня повадилась к соседям. Я принимал это как неизбежность, как брак по-итальянски. Если я набирал свой номер, то обязательно попадал к ним. И наоборот. Мы втайне договорились, и каждый из нас, чтобы попасть к себе, звонил к другому.

Однако с некоторых пор незнакомый женский голос с хрипотцой стал властно будить меня на рассвете. Фраза была одна и та же:

— Боб, стричь пуделя совсем или наполовину?

— Совсем! — орал я и швырял трубку.

Раздавался новый звонок, и тот же голос глухо спрашивал:

— Скажите, это бе-девять?

— Нет, ге-четыре!

Потом разные голоса возмущались, что я не АД-1, не Б-2, не В, Е, Ж, К...

Это было выше моих сил, и я впервые рискнул прослезиться в АТС.

— Сколько лет ждали? — спросила телефонная барышня.

— Почти два года.

— Другие ждут пять,— назидательно отрезала она.— Скажите спасибо, что поставили спаренный.

— Спасибо, девушка. Дело не в спаренной системе, а в конкретном случае. Я тоже за новую систему, но без брака. Телефон, простите, шалит, капризничает.

— Вы — тоже! Проверим.

Проверили.

Сменили массивный черный аппарат на хрупкий белый. Странно, но цвет не помог.

Стараясь выдержать изысканный тон, я излил свою душу в письме товарищу Огурчикову К. П., начальнику районного телефонного узла. Я знал, что легче написать роман в стихах, чем попасть к нему на прием.

И вот уже нервно запрыгал белый аппарат на моем столе. Звонила дама.

— Послушайте, абонент! Своей кляузой (?!) вы лишили месячной премии целый коллектив, всю смену. Одумайтесь. Тут тоже живые люди.

— Ты людоед! — сказала жена (у нее на заводе тоже кого-то за что-то чего-то лишили).— Напиши им благодарность.

Я долго ломал голову над тем, что написать. Я не хотел быть людоедом и лишать их прогрессивки. Но я не мог кривить душой и за брак раздаривать благодарности.

Выход нашел наш сын, школьник Витька.

— Если нам поставят «законный» телефон, мы сообщим об их чуткости в «Пионерскую зорьку» или в местком. И им дадут подарки.

Да, в наш век дети практичнее родителей.

— Хорошо, но это будет второй этап,— согласился я.— А пока снова обратимся к Огурчикову К. П. Не с жалобой. С просьбой.

Ответ пришел довольно скоро. Кажется, через год. Другие ждут три. И какой ответ! От него веяло любовью к ближнему и сердечной теплотой, словно от новогодней почтовой открытки. Сюрприз и впрямь был приурочен к началу счастливого високосного 1968 года. Отныне мне даровался новый номер и предлагалось срочно внести пять рублей «за переделку линии для распарневания». Пятерка была внесена тут же.

Расторжение несчастливого брака шумно праздновалось в обеих квартирах. В новогоднюю ночь мы подняли чары за чуткого шефа узла, за его славных барышень и удалых молодцов-монтеров.

В трепетном ожидании ушел морозный январь, наступил вьюжный февраль. Мы выбегали на каждый стук в парадном, лихорадочно хватались за телефонную трубку, боясь упустить молодцов-монтеров. Их пятидневка, как назло, совпадала с нашей, поэтому в рабочие дни мы выставляли в квартирах посты и дозоры.

Молодцы не пришли.

Пришла повестка.

Именно из нее я узнал, что новый телефон с новым номером давно установлен в моей квартире и что на днях его даже выключат за неуплату.

Я не хочу продолжения эпистолярного романа с телефонным узлом, я боюсь остроумных диалогов с милыми дамами, которых могут из-за меня лишить премии.

Мне срочно нужен робот — заместитель, телефонный автоответчик «АТГ», о котором так вдохновенно пишут в последнее время видные научные обозреватели. Я установлю новый прибор на своем старом аппарате, нажму на клавишу «запись» и продиктую несколько фраз.

— Это не котельная, не баня, не медвытрезвитель...

— Я не Пупсик, не Альфред, не Боб.

— Стриги пуделя наголо, дура!

И последняя фраза:

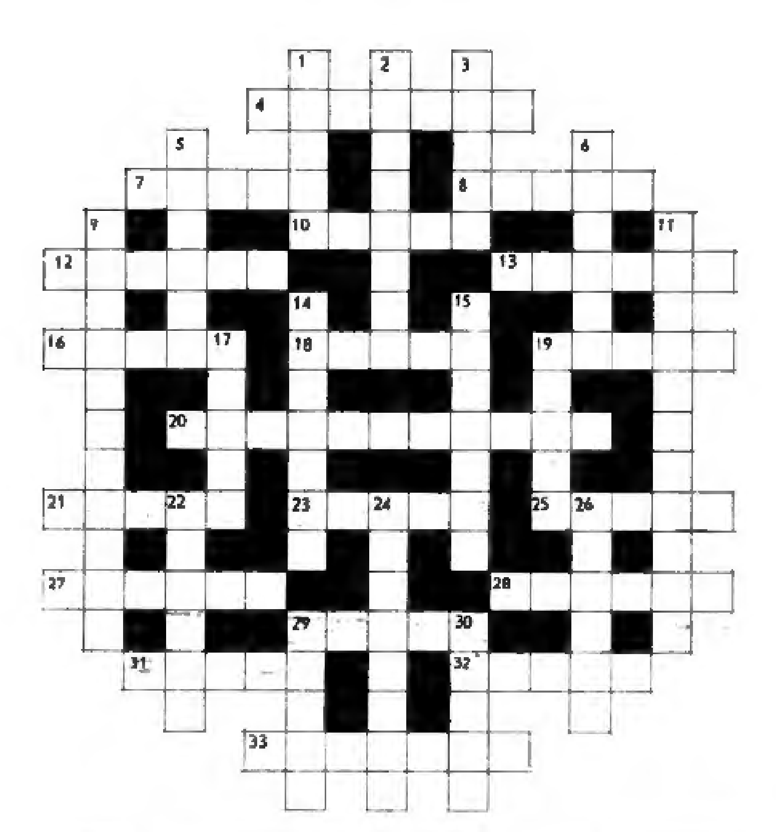
— Спасибо, товарищи телефонисты!

Автоответчику все равно. Он робот. У него нет нервов.

«ОГОНЕК» ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция журнала «Огонек» получает много писем, в которых читатели, подписавшиеся на «Огонек» на три—шесть месяцев, жалуются на то, что им отказывают в продлении подписки.

Сообщаем читателям, что Главным управлением «Союзпечати» дано указание о продлении подписки на журнал «Огонек».



КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Река на Сахалине. 7. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 8. Молочный продукт. 10. Музыкально-драматическое произведение. 12. Ученое звание. 13. Бегун на длинные дистанции. 16. Танец. 18. Лиственное дерево или кустарник. 19. Раствор для окрашивания фотографических изображений. 20. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона. 21. Государство в Азии. 23. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 25. Химический элемент. 27. Спортивное судно. 28. Советский изобретатель стрелкового оружия. 29. Духовой инструмент. 31. Раздел книги, статьи. 32. Автор картины «Бурлаки на Волге». 33. Местное наречие, говор.

По вертикали:

1. Сорт кофе. 2. Порт в Канаде. 3. Пьеса А. П. Чехова. 5. Форменная куртка. 6. Курорт в Астраханской области. 9. Коробка для сбора растений. 11. Советский писатель. 14. Литературный жанр. 15. Русский архитектор XVIII века. 17. Инструмент скульптора. 19. Видоискатель. 22. Снежная буря, вьюга. 24. Пушной зверек. 26. Земляной орех. 29. Римский историк. 30. Приток Куры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

4. Мандолина. 6. Архимед. 8. Ревс. 10. Слог. 13. Абакан. 15. Кигома. 16. Нельма. 17. «Талант». 18. Статика. 19. Зяблик. 22. Сектор. 24. Тамбов. 26. Аптека. 29. Миля. 30. Анна. 31. Мартини. 32. Спидометр.

По вертикали:

1. Антраша. 2. Долина. 3. Пиренеи. 5. Герань. 7. Коралл. 9. «Слава». 10. Скотт. 11. Перевязка. 12. Борнхольм. 14. Негатив. 15. Коринка. 20. Латвия. 21. Камея. 22. Смета. 23. Квашня. 25. Онтарио. 27. Пойнтер. 28. Нитрон.

Обложка работы художников О. Савостюка и Б. Успенского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиография — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-38; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00357. Подписано к печати 13/II 1968 г.
Формат бум. 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 354. Заказ № 312.

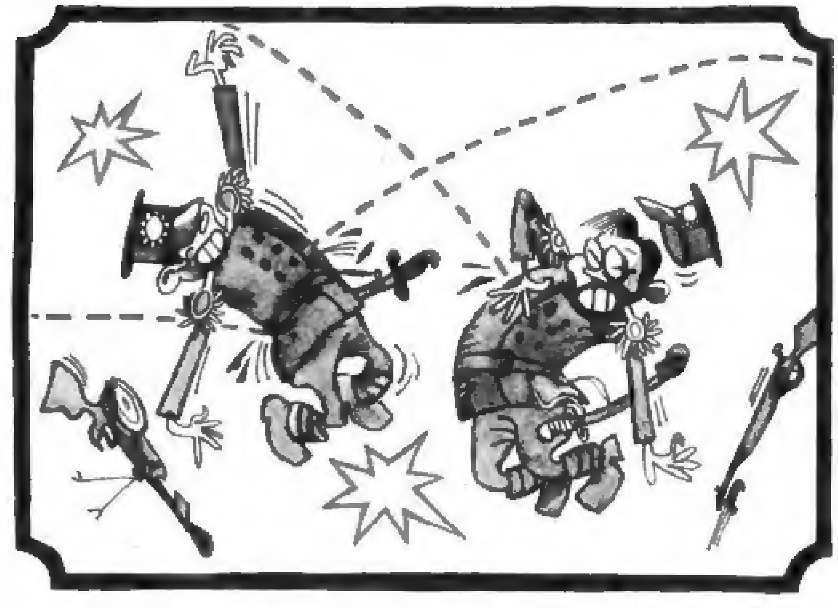
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рисунки

В. ТИЛЬМАНА.

Шинель «Интервентская» (сукно английское — приклад русский).

МУНДИРЫ БИТЫХ,



Мундир «Самурайский» (прошит в нескольких местах: Хасан, Халхин-Гол и др.).

Жупан «Самостийный» (полы обрублены красными конниками).

или ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО КОСТЮМА

Френч аса «Люфтваффе» (подбит мехом в Германии, зенитным огнем в России).

Костюм «Зима-41» (свободный, комбинированный, не стесняет движений).

Китель «Гауляйтер» (не застрахован от разрывов).

Цена номера 30 коп.